ср
111-к

Олег Павловский

Необычайное путешествие Петьки Озорникова

„Школа Советикэ" — 1956.

Олег Павловский

Необычайное путешествие Петьки Озорникова

Фантастическая повесть

Рисунки Я. Авербуха

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ МОЛДАВСКОЙ ССР
ШКОАЛА СОВЕТИКЭ
КИШИНЕВ 1956

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Три мушкетера» 3
«Плохие дела!..» 10
Федор Степанович 15
Неожиданное приглашение 18
Разочарование 19
«Модель Б-14» 22
Вот так встреча! 25
Город Майск 30
И повар должен институт кончать... 38
Музей Великой Истории 42
Приключения начинаются 48
В мире атомной энергии 53
Новое знакомство 62
Подслушанный разговор 66
Случай на стадионе 68
Саша «лечит» Петьку 72
Новые впечатления 75
Не слышно шума заводского 81
«Слушайте, товарищи потомки...» 84
Экран в небесах 86
«Обломов наших дней» 90
Снова дома 95

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.

ОЛЕГ ПАВЛОВСКИЙ

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТЬКИ ОЗЕРНИКОВА

*

Редакторы *Л. Дайнис* и *Н. Колотий*
Художественный редактор *Е. Мерега*
Технический редактор *С. Полонский*. Корректор *Г. Кишиневская*

Сдано в набор 20-X-1955 г. Подписано в печать 16.I-1956 г. АБ03602.
Формат бумаги 84x103 1/32. Печ. листов 6. Учет.-издат. листов 4.62.
Тираж 15.000.
Учебно-педагогическое издательство МССР
„Школа Советикэ"
г. Кишинев, ул. Стефана Великого, 36. Заказ № 2144. Цена 2 руб. 40 коп.

Тираспольская Государственная типография.

Создание PDF: KaraBY, 2013
Переформатирование PDF в DJVU: Tiger, 2014

«ТРИ МУШКЕТЕРА»

Трехлетний карапуз, не отрывая глаз, с завистью глядел на блестящий перочинный ножик, которым Петька Озорников вырезал на скамейке свое имя. Скамейка стояла посреди небольшого садика во дворе дома, где жил Петька. Ее совсем недавно покрасили зеленой масляной краской. Как Петька ни старался, буквы получались кривые, неровные.

Карапуз смотрел, смотрел и вдруг выпалил:

— Дай.

Петька обернулся.

— Я вот тебе сейчас как дам! — и подумав, добавил:— А ну подойди-ка сюда, я тебе язык отрежу.

Карапуз подошел, доверчиво высунул было язык, но едва Петька двинулся к нему с ножиком, как он испуганно отпрянул и с расстановкой произнес:

— Снацала себе отлез.

Петька сделал «страшное» лицо и строго спросил:

— Кто тебя научил так со старшими разговаривать?

Быстро-быстро заморгав светлыми ресницами, карапуз крикнул «ма-а-ама-а!» и засеменил к дому.

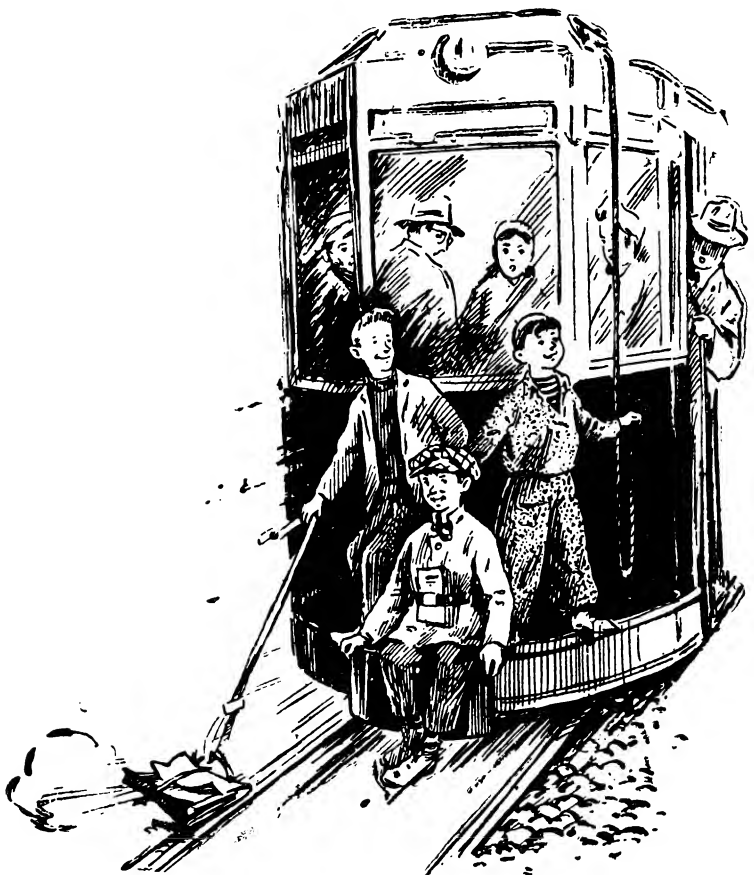
Петька засмеялся, сунул ножик в карман и, не дожидаясь, когда на плач малыша выйдет его мать, выскочил на улицу.

Петьке Озорникову шел двенадцатый год. Учился он в четвертом классе восемнадцатой школы, что напротив строительства нового шестиэтажного жилого дома. Петьку знали в ближайших дворах не только ребята, но и взрослые. Матери говорили своим сыновьям:

— Смотри, не связывайся с этим мальчишкой! Хорошему у него не научишься. Хулиган!

Хулиганом Петька, впрочем, не был, но поозорничать любил.

По утрам, дождавшись трамвая и оглянувшись — нет ли поблизости милиционера, он усаживался на буфере вагона и как ни в чем не бывало ехал в школу.



Хуже, когда около трамвайной остановки прохаживался милиционер. Петьке приходилось, не оглядываясь по сторонам, что есть духу мчаться в школу — иначе опоздаешь и нужно будет идти к директору — объясняться, почему опоздал. А что мог объяснить Петька?

Портфель, который купила ему мама, Петька забросил за шкаф. Идя в школу, он учебники затыкал за пояс, тетради же свертывал в трубочку и втискивал в карманы брюк. Пальцы у него всегда были вымазаны чернилами, а рукава так запачканы мелом, словно он только то и делал, что вытирал ими классную доску. Половины пуговиц на пальто, по обыкновению, не было. Козырек у кепки сломан. Пионерский галстук сбит в сторону или, что еще чаще, спрятан под высоким воротником кителя, который сшила ему к празднику мама.

Петина мама, Вера Петровна работала на трикотажной фабрике. Отец его погиб во время Великой Отечественной войны. Вере Петровне приходилось совмещать работу на фабрике с домашними заботами и воспитанием сына. Мать очень любила Петьку. Но тот терпеть не мог материнской ласки. Бывало, подойдет Вера Петровна к сыну обнять и поцеловать его, он недовольно оттолкнет мать и скажет:

— Ну вот! Опять! Что я девчонка, что ли — лизаться?

И только когда Петька засыпал, Вера Петровна присаживалась около его кровати и долго смотрела на него, находя в лице Петьки все новые и новые черточки сходства с его погибшим отцом. Потом она целовала его и на цыпочках, чтобы не разбудить, отходила.

Петька почти никогда не помогал матери в домашней работе. Воды не носил, дров не колол. Изредка только бегал в магазин за хлебом или за печеньем к чаю. Да и то делал это потому, что мать почти всегда отдавала ему оставшуюся мелочь — сдачу.

Веру Петровну уже несколько раз в этом году вызывали в школу. Придет она с работы, приберет в комнате, сварит обед, постирает петькины штаны и рубашки, которые тот неимоверно быстро пачкал,—

и хочется ей прилечь на диван, отдохнуть, почитать, а тут вдруг приходит из школы уборщица тетя Шура и говорит:

— Опять что-то Петька там натворил. Сегодня вас в восемь часов вечера директор вызывает. Вы уж не опаздывайте, пожалуйста.

Петька, как всегда, в это время носился по соседнему двору с ребятами — играли в «казаки» и в «палочку-выручалочку». Придя из школы в два часа (мать приходила с работы в половине шестого), Петька наскоро проглатывал холодный обед, ленясь даже разогреть его, и убегал к своим друзьям-товарищам, уже поджидавшим Петьку во дворе.

Если после игр, которые обыкновенно заканчивались не раньше девяти часов вечера, Петька не заставал мать дома, он сразу же догадывался, в чем дело. Он знал, что мать никуда обычно по вечерам не ходит.

«И за что это могли ее в школу вызвать? — думал он. — Ведь я сегодня как будто ничего такого не сделал». Но тут же вспомнил, что получил двойку по русскому — это раз, разбил стекло в дверях — это два, разлил чернила — это три.

Когда мать возвращалась, она заставала Петьку смирно сидевшим за столом с книгой в руках.

— Ну как тебе, Петя, не стыдно!— начинала мать.

Оторвавшись от книги, Петька делал удивленное лицо, словно не понимая, в чем дело.

— Ты стекло разбил?

— А-а-а,— тянул Петька,— так это я нечаянно! Оно плохо вставлено было. Я только хлопнул дверью чуть-чуть — оно выпало и разбилось.

— А двойку по русскому тоже нечаянно получил?

— А что, нарочно, что ли? Ольга Ивановна только позавчера меня спрашивала, и я на тройку ответил. Откуда я мог знать, что она и сегодня меня вызовет?— неловко оправдывался Петька.

— А чернила разлились тоже не по твоей вине?— раздраженно спрашивала мать.

— Конечно, не по моей. Это все Любка Кравцова.

Она взяла мою чернильницу. Я стал отнимать у нее, а она как завизжит... Я от испуга чернильницу и упустил...

— Эх, Петя, Петя! — вздыхала Вера Петровна.— Хоть бы ты немного мать свою пожалел. Ведь как я работаю! И все для тебя. Книги покупаю, деньги на кино даю...

«Ну, начала...»— думал Петька, хмуря для вида брови и опуская голову. А Вера Петровна продолжала:

— Ты о себе подумай. Вот я — в деревне выросла, расписываться до пятнадцати лет не умела. Семья-то у нас большая была. Пошла работать простой уборщицей. А по вечерам училась. Семь классов закончила. Если бы не война — дальше бы продолжала. А у тебя все условия — учись только. Школа-то у вас какая! Светло, и чистота кругом, парты новые. А ты что делаешь — чернила разливаешь, стекла бьешь. И учишься плохо. Выгонят вот тебя из школы, сердцем чувствую, выгонят.— Вера Петровна опускалась на стул. А Петька сидел и молчал, уткнувшись носом в книгу. Это еще больше сердило Веру Петровну.

— Ну что ты молчишь?

Вместо ответа Петька бормотал что-то невнятное.

— Да ты учиться-то думаешь или нет?— в сердцах спрашивала Вера Петровна.

— Думаю,— не отрывая глаз от книги, хотя он и не читал ее, отвечал Петька.

— Уроки на завтра выучил?

— Выучил,— врал Петька. Не соврать было нельзя. Иначе мать силой засадит его сейчас за книгу и заставит читать вслух.

— А не врешь? — сомневалась Вера Петровна.

— Не вру. Ты же видела — сидел и учил. Если хочешь, спроси — все расскажу,— хитрил Петька.

Поверив, Вера Петровна немного успокаивалась.

— Ну ладно, ложись теперь спать. Но только принеси мне еще двойку,— ох уж и задам я тебе тогда! — стращала она.

Материнских угроз Петька не боялся. Он знал, что

мать его и пальцем никогда не тронет. Подобные разговоры происходили не реже одного раза в месяц.

Товарищей у Петьки было двое: Павлик Соловьев и Борис Любочкин. Павлик ростом был немного ниже Петьки, но румянее и полнее. Борис же — почти на голову выше их обоих, худой, с жесткими, всегда торчащими вверх волосами, за что его дразнили «ежиком». Ни в школе, ни на улице друзья не расставались. Одноклассники называли их — «три мушкетера». Только пионервожатая, белобрысенькая Лида, давая им очередную «пропорцию», говорила:

— Вы не «три мушкетера», а три лодыря и неряхи. Мушкетеры храбрые и умные были. А у вас храбрости только на то хватает, чтобы стекла бить да девочек дразнить, а как к доске вызовут — куда и храбрость девалась! И насчет ума тоже. Глупыми вас назвать нельзя, а умными...

И Лида приводила выдержки из каких-то неизвестных «мушкетерам» книг, доказывая, что стать умным можно, только если будешь хорошо учиться, и так далее и тому подобное.

По выходе из пионерского уголка «мушкетеры» обменивались мнениями:

— С мылом промыла, до косточек!

— И в баню ходить не надо.

— А Павлик, как вареный рак, покраснел, когда она насчет ума рассуждать начала,— толкая Бориса, говорил Петька.

— И не думал краснеть! Это с тебя пот градом катился. А я даже и глазом не моргнул. Мне это как с гуся вода,— оправдывался Павлик.— Ну подумаешь, ну отчитали! Не в первый раз!

После уроков «мушкетеры» обычно собирались во дворе у Петьки и согласовывали план своих действий на предстоящий остаток дня.

Например:

Объявить войну ребятам из дома номер тридцать четыре.

Поймать кошку и, привязав к ее хвосту пару консервных банок, пустить по булыжной мостовой.

Поговорить «по душам» с Сережкой Смирновым, который наябедничал на них директору школы.

Про уроки ребята вспоминали обычно только на другой день, когда уже надо было идти в школу.

«Мушкетеры» родились и выросли в одном городе и на одной улице. Во время Великой Отечественной войны им пришлось расстаться, потому что город попал под оккупацию. Петька с мамой выехали в Караганду, Борька — в Челябинск, Павлику же не пришлось уехать. Перед вступлением в город гитлеровских войск у него тяжело заболела мать, и они не успели эвакуироваться. Но зато, когда друзья снова собрались в родном городе, — сколько было рассказов! Интереснее всех рассказывал, конечно, Павлик. Еще бы! Ведь он видел настоящих фашистов, голодал, убегал с матерью и сестрой в лес и жил у партизан.

Когда Петька с Борькой вернулись из эвакуации, они едва узнали свой город. От прекрасного Дворца Пионеров остались одни только стены, почерневшие от дыма и копоти, заваленные до половины кирпичом, металлом и мусором. На центральной улице были разрушены почти все дома. Огромный парк, в котором до войны ребята часто играли в прятки, был наполовину вырублен и весь изрыт окопами, траншеями, бомбоубежищами. Немцы сожгли здание школы, где до войны учился борькин брат — Вася. Борька гордился и хвастался своим братом. Василий Иванович вернулся с войны с двумя орденами и пятью медалями. Сейчас он работает токарем на механическом заводе. О Василии Ивановиче несколько раз писали в газете и однажды поместили даже его портрет с надписью: «В. И. Любочкин — передовик механического завода. Выполнил пятилетний план в три с половиной года». Борька вырезал из газеты этот портрет и показывал его ребятам, говоря:

— Во какой у меня брат! Впереди всех идет!

И все очень завидовали Борьке. Но пионервожатая Лида сказала ему:

— Брат-то у тебя хороший — это правда. Но вот самому-то тебе нечем похвалиться.

Борька покраснел, спрятал портрет брата и больше уже им не хвастался.

А город постепенно приобретал свой былой, довоенный вид и становился даже лучше прежнего. Снимались леса, и перед взорами жителей вставали новые, будто из-под земли выросшие, большие красивые дома.

В парке засыпали окопы и бомбоубежища, посадили деревья, построили качели, карусель, и ребята, как и раньше, играли и веселились в его тенистых аллеях. Но до Дворца Пионеров еще не добрались строители.

— Ничего, ребята, вот дома сначала восстановят и построют, чтобы людям жить можно было, а потом и за Дворец Пионеров возьмутся,— говорила вожатая Лида своим пионерам, которые очень интересовались строительством Дворца Пионеров.

«ПЛОХИ ДЕЛА!..»

В это утро Павлик долго свистел под петькиным окном, вызывая его, чтобы вместе пойти в школу. Наконец Петька показался. Он торопливо дожевывал на ходу пирожок с капустой.

— Что так долго?— спросил Павлик.

— Да вчера мать опять в школу вызывали. Когда она пришла, я уже спал. Так она мне сегодня утром мораль читала. Только что закончила. Она бы и еще говорила, но сама на работу опоздать боится.

Они постояли немного, подождали Борьку и пошли в школу.

До начала уроков оставалось еще минут пятнадцать. Настроение у Петьки было испорчено из-за разговора с матерью, и Павлик думал — чем бы развеселить приятеля? Предложил поиграть в «казаки-разбойники» — Петька отказался. Что бы еще такое придумать? Тут Борька заметил большого рыжего кота, перебегавшего школьный двор, и мгновенно у него возник целый план. За котом гонялись минут

десять. Наконец изловили, загнав его между крыльцом школы и постаментом, на котором стояла бронзовая статуя пионера. Настроение у Петьки несколько поднялось. Окончательно он развеселился тогда, когда Валя Шилова, нащупав рукой в парте что-то мягкое и шевелящееся, завизжала так, что девочки, тихо сидевшие в ожидании прихода учительницы, повскакивали с мест. «Мушкетеры» же, как ни в чем не бывало, сидели, уткнув носы в тетради, и только трясущиеся от смеха плечи выдавали их.

Когда вошла Ольга Ивановна, в классе уже всё успокоилось.

Первым уроком была арифметика. Ольга Ивановна велела ребятам открыть домашние тетради и начала проверять решение заданных на дом задач. У Мити Щеглова и у «трех мушкетеров» оказались одни и те же ошибки. Ольга Ивановна попросила встать всех четырех.

— Теперь скажите, кто из вас решал, а кто списывал?— спросила учительница.

— Никто не списывал,— за всех ответил Петька.

— Почему же ошибки у вас у всех одинаковые?

Борька исподтишка показал Мите Щеглову кулак — «смотри, мол, не выдавай, что у тебя списали». Тот понимающе кивнул головой.

— Мы все вместе решали. Собрались вечером и решали,— не смутившись, соврал Петька.

— Хорошо. Иди, Озорников, к доске и расскажи, как ты решал эту задачу,— сказала Ольга Ивановна, раскрывая классный журнал.

Петька стоял у доски, а глаза его были устремлены на Митю Щеглова. Тот шевелил губами, стараясь подсказать Петьке ход решения, но Петька ничего не мог разобрать. Против его фамилии в классном журнале прибавилась еще одна двойка.

В перемену Петька твердо решил отомстить Ольге Ивановне. Следующим уроком должен был быть русский язык. Петька знал, что Ольга Ивановна будет писать на доске. И он придумал. Взяв тряпку, которой стирали с доски, и выбрав момент, когда все ученики

вышли из класса, он вылил на тряпку чернила из чернильницы, стоявшей на учительском столе.

Во время урока Петька не отрывал глаз от Ольги Ивановны, рассказывающей о порядке слов в предложении. Вот она берет мел, пишет на доске несколько предложений, объясняет их, затем берет тряпку... Когда Ольга Ивановна, стерев с доски написанное, положила тряпку на место, ладонь ее правой руки оказалась вся в чернилах. Класс замер. Ольга Ивановна побледнела от обиды.

— Кто это сделал?— спросила она чуть слышно, но в классе было так тихо, что ее вопрос услышали даже сидящие на задних партах.

Класс молчал. Ольга Ивановна громче повторила вопрос. В классе стояла все та же тишина.

— Стыдно, значит, признаться? А делать гадости своей учительнице не стыдно?— дрогнувшим голосом произнесла Ольга Ивановна.

Тогда Генька Егоров, или как его называли ребята «профессор», за то, что он всегда все знал и учился только на «пятерки», повернулся и пристально посмотрел на Петьку. Тот преспокойно сидел за своей партой и не моргая смотрел на Ольгу Ивановну. Геньке показалось даже, что он чуть-чуть усмехается. Тогда Генька поднялся и громко сказал:

— Это сделал Петя Озорников.

Сорок пар глаз, за исключением двух пар — «мушкетерских» — впились в Петьку.

— Он врет!— вскочил Петька.

— Ты хорошо знаешь, что это сделал именно Петя Озорников?— спросила Ольга Ивановна Геньку.

— Да,— утвердительно кивнул головой тот.— Я зашел в класс во время перемены взять книгу и увидал, как Озорников положил тряпку на доску. Я не знал, что он вымазал ее чернилами.

— Хорошо, садись. А теперь продолжим урок,— уже совершенно спокойно сказала Ольга Ивановна.

В перемену Петька подошел к «профессору».

— Я тебе покажу — ябедничать!

«Профессор» с ног до головы смерил Петьку презрительным взглядом и не сказал ни слова. Это еще больше разозлило Петьку. Да тут вдобавок подскочил Борька:

— Что ты с ним возишься? Дай ему как следует!

Петька заколебался. Связываться с Генькой было опасно. Он еще с прошлого года состоял в боксерском кружке и успел хорошо натренироваться. В это время зазвенел звонок. Ребята гурьбой повалили в класс. И тут Петька не выдержал: он подскочил к «профессору» и под шумок ударил его кулаком в бок так, что у того книжка выпала из рук, а лицо слегка побледнело. Быстро оглянувшись и увидев Петьку, Генька грозно ринулся было на него, но в этот момент в класс вошла учительница. Генька подобрал книгу и направился к своему месту, тихо сказав Петьке:

— Трус ты! И драться-то как следует не умеешь! Погоди вот! Я тебе покажу.

Слова Геньки задели Петьку за живое, и он весь урок просидел насупившись.

В конце третьей перемены к Петьке подбежал Павлик Соловьев. Отозвав его в дальний угол коридора, он таинственно оглянулся по сторонам и шёпотом сказал:

— Плохи дела, Петька! Я только что подслушал, как говорила пионервожатая с Ольгой Ивановной. Ох, и влетит тебе!

— За «профессора»? — спросил Петька.

— За все: и за «профессора», и за тряпку, и за двойку. Завтра после уроков тебя будут обсуждать на пионерском сборе, а вечером педсовет заседать будет. Как бы из школы не исключили! — с ноткой участия закончил свое сообщение Павлик.

— Кого? — недоуменно спросил Петька.

— Кого? Тебя, конечно.

— Да ну! Неужели исключат?

— Не знаю я. Уж очень злая на тебя Ольга Ивановна. Ты только никому не говори, что я подслушивал. Она так сказала: «Трудно мне с ним, очень трудно. Тяжелый он мальчик». Я сам слышал.

— Ну, это не про меня, значит. Какой же я тяжелый! Это, наверное, про Борьку.

— Не про Борьку, а про тебя! И Лида ей поддакнула: «Да, — говорит, — Озорников плохой пионер. Вместо того, чтобы другим пример подавать, сам плохо учится да еще и безобразничает». Так и сказала— «безобразничает». А то, что ты «тяжелый», так это Ольга Ивановна, наверно, не про вес твой говорила, а про... — Павлик замялся. — Да ты у мамы своей спроси, она, может, лучше объяснит тебе, что это значит «тяжелый», когда не про вес говорят.

— Моя мама все знает, — не без гордости сказал Петька. — Только у нее я спрашивать не стану. Я лучше у тети Маши спрошу. Она рядом живет.

ФЕДОР СТЕПАНОВИЧ

Петька шел домой, опустив голову. Ничто не радовало его: ни веселые возгласы бегущих из школы ребят, ни громкое чириканье воробьев, взлетавших из-под самых ног прохожих, ни отливающие солнцем лужи, образовавшиеся после только что прошедшего дождя. «Неужели исключат? — сверлило в голове.— Что скажет мама?» И Петьке, может быть первый раз в жизни, так вдруг стало жаль маму, что он чуть не заплакал.

В это время на Петьку наскочил какой-то опрометью бежавший мальчонка и чуть не сбил его с ног. В другое время Петька обязательно дал бы ему подзатыльника, но сейчас он только смерил испуганного малыша уничтожающим взглядом и прошипел сквозь зубы:

— Ну, потише! Слепой, что ли?

Паренек, видя, что его не трогают, побежал дальше. А Петьку снова стали одолевать невеселые мысли: «Неужели исключат? Ну подумаешь, тряпку запачкал

чернилами!.. А вдруг и старое припомнят? Наверно, припомнят».

Совсем недавно, на прошлой неделе, он оттаскал за косу отличницу Верку, которая потом всю перемену проревела. А на-днях он нагрубил пионервожатой в ответ на какое-то ее замечание. Две недели тому назад он спрятал перед диктовкой ручку и сказал, что потерял. Ольге Ивановне пришлось идти в учительскую за другой ручкой. Не успела она начать диктовку, как Петька поломал перо. Словом, было что припоминать.

Придя домой, Петька не нашел ключа от квартиры, который мать всегда оставляла ему в условленном месте. «Торопилась на работу и забыла оставить»,— догадался Петька. Он постучал в соседнюю квартиру и спросил, который час. До прихода матери оставалось три с половиной часа. Есть, впрочем, не хотелось. «Воробьев пострелять, что ли?» — подумал Петька, нащупав в кармане рогатку, к которой он только вчера приделал новые резинки, выменянные у Сережки Скворцова за почтовые марки. Нет, и воробьев стрелять что-то не было охоты.

Петька решил дожидаться прихода матери. Он уселся на верхней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, где находилась их квартира. Взгляд его упал на окно, за которым на ветке высокого развесистого клена сидел воробей и словно усмехался, глядя на приунывшего Петьку. Рука инстинктивно потянулась в карман за рогаткой. Но воробей был за окном, и пульнуть через стекло Петька не решался. Его матери уже два раза пришлось платить за разбитые Петькой стекла. Из-за этого даже обещанный ему к празднику Первого Мая футбольный мяч не был куплен.

С тех пор Петька опасался бить стекла. А воробей, словно разгадав петькины мысли, два раза подпрыгнул на ветке, вспорхнул и, снова усевшись, звонко и воинственно зачирикал. Такого нахальства Петька потерпеть не мог. Он решил — будь, что будет! Вытащил рогатку, вставил камешек, потянул резинку... Но в это время внизу хлопнула дверь. Петька с сожале-

нием спрятал рогатку. По лестнице поднимался Федор Степанович — петькин сосед из четырнадцатой квартиры.

По профессии Федор Степанович инженер. Что-то он конструирует и изобретает, но что именно — никто из ребят не знает. Федор Степанович — высокий, полный, чуть сутуловатый человек. Его широкий лоб изрезан глубокими морщинами. Густые черные с проседью волосы огромной шапкой лежат на голове. Федор Степанович ни зимой, ни летом не носит головного убора.

Федор Степанович живет один. Соседи рассказывают, что его жену и маленькую дочку расстреляли немцы. Федор Степанович очень любит детей. В кармане у него всегда лежат шоколадные конфеты, и по дороге домой он часто раздает их играющим в песке около дома детям.

Квартира Федора Степановича состоит из одной комнаты, кухни и ванной. Никто из соседей, впрочем, никогда не бывал у него. Гости к нему также не приходят. Все это вызывает среди жильцов и, особенно, ребят самые различные толки. Одни утверждают, что Федор Степанович изобрел какой-то сверхмощный луч, вроде описанного в книге Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Другие уверяют, что Федор Степанович сконструировал реактивный самолет со скоростью две тысячи километров в час и что скоро он обязательно получит орден или даже звезду Героя Социалистического Труда. А тетя Настя из двенадцатой квартиры смеется и говорит, что инженер никого не приглашает к себе просто потому, что у него в квартире, вероятно, очень пыльно и грязно, так как там никто никогда не убирает. В общем, суждений и сплетен было немало.

Но все ребята любили и уважали Федора Степановича, несмотря на то, что конфетами он угощал только самых маленьких. Уважал его и Петька. Федор Степанович часто разговаривал с ним — расспрашивал о школьных делах, о полученных отметках, о проделках и играх. И если Петька чистосердечно признавался,

что он разбил стекло или «схватил» двойку, то Федор Степанович морщил свой и без того морщинистый лоб и говорил с досадой:

— Э, Петька, нехорошо, так мы с тобой коммунизма не построим.

И Петьке становилось почему-то очень стыдно.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Увидев Федора Степановича и испугавшись, что тот и сейчас поведет с ним разговор о его делах, Петька хотел было подняться и удрать, но Федор Степанович уже заметил его.

— А, здорово, Аника-воин! Ты что это на лестнице, как дома, расположился? Ну, отвечай! Да чего это ты такой невеселый? Двойку, небось, получил?

— Двойку.

— По какому предмету?

— По арифметике, — ответил Петька, упорно глядя на носки своих давно не чищенных ботинок.

— Так... Еще что натворил? — недовольно спросил Федор Степанович.

— С «профессором» подрался, — пробормотал Петька.

— С каким профессором? — удивленно вскинул брови Федор Петрович.

— Да с Генькой. Отличник и зубрила он. Мы его за это «профессором» дразним.

— Быть отличником — дело хорошее. А драться не следует. Так чего ж ты все-таки на лестнице сидишь? — повторил свой вопрос Федор Степанович.

— Мама ключ забыла оставить.

— Ах, вот что? Ну тогда пойдем — посидишь у меня, пока мать придет. Кстати, и о твоем поведении потолкуем, — предложил Федор Степанович.

Чего-чего, но приглашения в гости от Федора Степановича Петька не ожидал. Предстоящий разговор о его поведении, конечно, не особенно радовал Петьку, но ради того, чтобы побывать в квартире Федора Степановича, он готов был бы выслушать не одну,

а сотни нотаций от всех жильцов, проживающих в этом доме.

Он будет героем дня! Ведь никто-никто до сих пор не переступал порога «инженерской» квартиры, как именовали соседи квартиру Федора Степановича.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Федор Степанович открыл дверь и пропустил Петьку вперед. Петька сразу же был поражен чистотой и порядком в квартире инженера. «Вот и не угадала тетя Настя»,— подумал он. Из передней они прошли в кухню. У окна здесь примостился маленький столик. Около него два венских стула. На стене висела полочка, где стояли накрытые белой скатерткой стаканы и блюдца.

— Чай будешь пить? — спросил Федор Степанович, включая никелированный электрический чайник.

Петька хотел было поломаться, но, вспомнив, что он сегодня еще не обедал, с достоинством ответил:

— Выпью стаканчик.

— Вот и хорошо.

Усевшись, Петька с интересом стал наблюдать за Федором Степановичем. Тот, словно проворная хозяйка, взял с полочки два стакана и блюдца, тщательно вытер их висевшим рядом с полочкой полотенцем и поставил на стол. Потом достал из шкафчика булку, сахар и масло.

— Может, ты с вареньем любишь? У меня и варенье есть. И Федор Степанович поставил на стол баночку с вишневым вареньем.

— Все равно, — смущенно пробормотал Петька. — Лишь бы сладко было.

— А, значит, сладкое любишь?

— Люблю, — конфузясь своего откровенного признания, сказал Петька.

Пока Федор Степанович накрывал на стол, чайник уже вскипел.

Прихлебывая чай, Петька искоса поглядывал на дверь, ведущую в комнату. «Позовет меня Федор

Степанович в комнату или нет? — гадал он. — Там-то у него, наверное, и стоит изобретение».

— Спасибо,— сказал он, допив чай.

— Может, еще выпьешь?

— Нет, не хочу больше, — решительно ответил Петька, не спуская мечтательного взгляда с двери, ведущей в комнату.

Между тем Федор Степанович входить в комнату явно не торопился. Он собрал посуду, снял со стены полотенце и подошел к крану.

— Вы и посуду сами моете? — не удержался Петька.

— А то кто же! И посуду мою, и пол подметаю, и пыль пылесосом собираю. Вот только белье в прачечную отдаю. Хорошо стирать никак не могу научиться. Да и времени стирка много отнимает. Советский человек должен все уметь делать. А тебе убирать разве не приходится? — в свою очередь спросил Федор Степанович.

— Нет, — без тени смущения ответил Петька. — У нас мама убирает.

— Плохо, Петя! Матери надо помогать. Она ведь работает.

— Работает. На трикотажной фабрике. Она... как это... отличного качества. Недавно ей почетную грамоту дали.

— Вот видишь! Мать — мастер отличного качества, первосортную продукцию вырабатывает, а сын — двоечник. Куда это годится? — с укором сказал Федор Степанович, накрывая салфеткой вымытую посуду.

Петька промолчал.

— Ну пойдем, посидим. У меня журналы хорошие есть.— И с этими словами Федор Степанович открыл дверь в заветную комнату. С замиранием сердца Петька последовал за ним. Переступив порог, огляделся. Посредине комнаты стоял большой овальный стол, а у окна маленький, с одной тумбочкой, письменный столик. На нем — настольная лампа с ярким матерчатым абажуром, мраморная чернильница и стопка

книг. Аккуратно выстроились книги на этажерке. Шкаф со стеклянными дверями — тоже с книгами.

«Где же изобретение?» — думал Петька, обводя глазами комнату. И вдруг в углу он увидел что-то большое, накрытое несколькими листами чистой чертежной бумаги.

— Проходи, что же ты стал! — приветливо сказал Федор Степанович.

Петька сел на диван, обтянутый коричневой кожей. Федор Степанович, подойдя к шкафу, достал оттуда несколько журналов и книг. Журналы он протянул Петьке, а книги положил на стол.

— На, почитай, картинки посмотри, а там и мать придет. А я поработаю. Ты любишь читать?

— Люблю, — соврал Петька, обрадовавшись, что Федор Степанович, видимо, забыл про обещанный разговор о его, петькином поведении.

— Ну вот и хорошо. Будем оба читать, — сказал Федор Степанович и, раскрыв книгу, углубился в чтение.

Петьке ничего больше не оставалось делать, как взяться за журналы. Но ни веселые картинки, ни цветные фотографии не привлекали его. Петька не переставал думать о неведомом предмете, накрытом чертежной бумагой.

«Что, если взять да спросить его? — пришла в голову мысль. — Нет, рискованно. Ведь, может быть, все врут, и никакого изобретения нет, а это просто стоит прикрытый бумагой старый поломанный стол».

Стараясь убедить себя, что это именно так, Петька принялся перелистывать «Огонек». В журнале рассказывалось о строительстве в Советском Союзе самых мощных гидроэлектростанций мира. На одной из фотографий раскинул свои огромные трубы землесосный снаряд, на другой — одним махом поднимал двадцать тонн земли шагающий экскаватор.

«Вот это изобретение! — подумал Петька.— А про Федора Степановича зря болтали. И никакой он не изобретатель вовсе».

Федор Степанович вдруг перестал читать и повернулся к Петьке.

— Знаешь, Петя, я вот читаю, а сам о тебе думаю. Скажи, кем бы ты хотел стать?

Петька серьезно посмотрел на Федора Степановича и не без гордости ответил:

— Летчиком.

— Нет, не выйдет из тебя летчик,— отрезал Федор Степанович.

— Почему? — удивился Петька.

— Ты по арифметике двойку получил?

— Получил, — нехотя согласился Петька.

— А с географией как у тебя обстоит дело?

— Две тройки и одна двойка.

— Ну вот, и не бывать тебе летчиком. Летчик должен географию и математику знать на «отлично». Будешь трубочистом — не иначе.

— Нет, летчиком. Я подтянусь.

— Когда же? Ведь ты уже скоро в пятый класс перейти должен. А с твоими отметками и на второй год, чего доброго, остаться можно. Пока ты соберешься подтянуться, поздно будет.

— Учиться никогда не поздно, — выпалил Петька слышанную где-то фразу.

— Не поздно учиться тому, кто хочет учиться. А ты не хочешь, ленишься. Государство на твою учебу деньги затрачивает. Мать на тебя работает. Все хотят, чтобы из тебя настоящий советский гражданин вырос, а ты лодырничаешь. Нет, так, дружок, мы с тобой коммунизма не построим.

Петька сидел, как на иголках. Он терпеть не мог нравоучений. Их и так ему по десять раз в день читали — и мать, и пионервожатая, и директор школы, а тут еще и Федор Степанович! «Вот расскажу завтра всем, что ничего он не изобрел, а только сидит и книжки читает!» — решил Петька.

А Федор Степанович продолжал:

— Впереди у тебя, как у всех наших ребят, замечательное будущее. Все мы, советские люди, строим

это будущее. А вы, ребята, прежде всего, должны хорошо учиться. Чтобы стать равноправным членом будущего коммунистического общества, ты должен многому научиться, стать очень образованным человеком. Понял? Иначе, когда вырастешь, будешь бездельником, иждивенцем, ну, словом, Обломовым.

— Кем, кем? — переспросил Петька.

— Об-ло-мо-вым,— по слогам повторил Федор Степанович. — Ты разве не знаешь такого?

— Н-н-е-ет, — протянул Петька. — А кто это?

Федор Степанович расхохотался. Глядя на него, рассмеялся и Петька, хотя и не понимал причины смеха Федора Степановича.

— Ха-ха-ха! Обломова не знаешь? Его каждый школьник знать должен. Ты свою учительницу попроси, чтобы она тебя с ним познакомила. Обязательно!.. А теперь иди-ка сюда!

У Петьки екнуло сердце. Федор Степанович устремил взгляд на предмет, накрытый чертежной бумагой.

— Хотел бы ты увидеть свое будущее? — вдруг спросил Федор Степанович, захлопнув книгу.

— Как это? — удивился Петька.

— Очень просто. Только это большой секрет.

— Ваше изобретение? — с волнением спросил Петька.

— А ты откуда знаешь?

— Все говорят.

— Кто это — все?

— Вовка Бунтиков, Сережка Яковлев, Михаил Викторович — все говорят, что вы изобрели...

— Что изобрел?

— А вот что — никто не знает.

— И хорошо, что пока не знают. Я покажу тебе свое изобретение, но дай мне честное пионерское слово, что ты никому об этом не расскажешь.

Вот это уж Петьке не особенно улыбалось. Увидеть изобретение Федора Степановича — и никому этим не похвастаться!

— Ну, согласен?— переспросил Федор Степанович.

— Согласен, — решился Петька. — Даю честное пионерское, что никому не расскажу.

— Тогда, смотри...

Федор Степанович быстро подошел к стоявшему в углу комнаты предмету и снял бумагу.

Петька так и замер от удивления. Он увидел нечто похожее на обыкновенную кабину легковой машины, только гораздо меньшего размера. Вверху бронзовыми буквами было выведено: «МОДЕЛЬ Б-14».

Петька в уме начал расшифровывать надпись: «Модель — это понятно. Б — это, вероятно, фамилия Федора Степановича — Борисов. Все изобретатели свои машины так называют».

— А вот «14» — это я не знаю, — вслух сказал Петька.

— Я тебе объясню, — улыбнулся Федор Степанович. — «Б» — это «Будущее», а «14» — порядковый номер моего изобретения. Я таких моделей тринадцать штук сделал, но все они оказались недостаточно хорошими, а вот эта, четырнадцатая, вышла, по-моему, удачной. Хочешь проверить?

Петька с радостью согласился.

Федор Степанович открыл дверцу кабины и нажал

какую-то кнопку. В кабине зажглась маленькая красная лампочка, и при ее свете Петька смог разглядеть несложное оборудование «кабины будущего», как назвал ее Федор Степанович.

Мягкое кожаное со спинкой сидение, на котором мог уместиться лишь один человек. На передней стенке — щиток управления с двумя рычагами, вроде обыкновенных однополюсных электрических рубильников. Над одним из них написано «вперед», над другим — «назад». Между ними — та самая красная электрическая лампочка, которую включил Федор Степанович.

— И это все? — разочарованно спросил Петька.

— Аппаратура находится под сидением. От этих рычагов к ней идут провода, скрытые в обшивке. А ты не боишься?

— Что я трус какой-нибудь, что ли? — обидевшись, возразил Петька и полез в кабину.

Сидеть было удобно, как на диване.

— Теперь смотри, — сказал Федор Степанович, — когда ты включишь рычаг с надписью «вперед», то окажешься в будущем. А когда захочешь вернуться обратно, включи рычаг с надписью «назад»— и ты очутишься в этой же самой комнате. Понятно?

— Понятно,— слегка волнуясь, ответил Петька, и Федор Степанович захлопнул дверцу кабины.

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

Минуты две-три Петька сидел в нерешительности. При взгляде на рычаги управления ему показалось, что они как бы слегка вздрагивают, словно в ожидании того, когда на них ляжет человеческая рука. Лампочка излучала ровный красный свет. Было очень тихо. Петька не слыхал даже, как отошел от «кабины будущего» Федор Степанович. А впрочем, он и не знал даже, отошел тот или нет. Ни отверстий, ни стекол в кабине не было. Она была как бы вылита из цельного куска стали.

Петьку охватили беспокойство и сомнение:

«А ну как что-нибудь испортится, и я застряну где-то на полпути. Включать или нет?»

Но боясь, что Федор Степанович вот-вот откроет дверцу и выставит его, Петька, наконец, решился... Рука потянула рычаг... Красная лампочка погасла. В кабине стало темно. Но зато царившую до этого тишину нарушило чуть слышное ворчание моторов под сидением. Кроме этого, никаких ощущений не было. Ни сотрясений, ни толчков, ни чувства полета.

«Подшутили надо мной», — пронеслось в голове у Петьки.

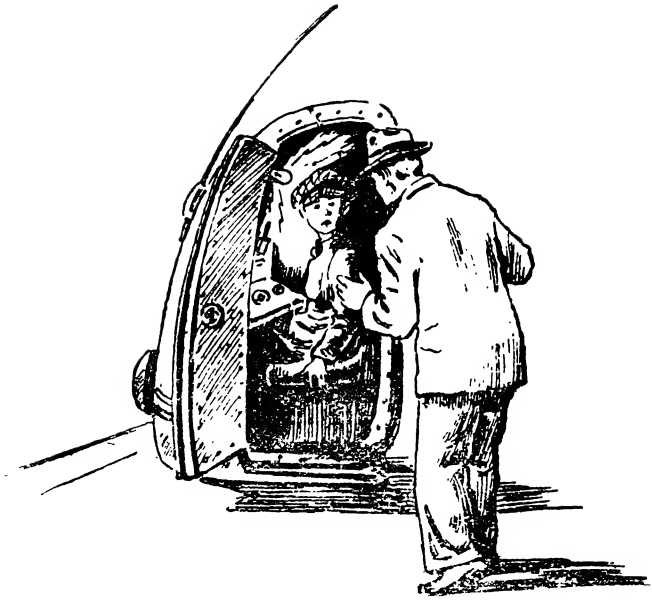
И когда через несколько минут (так, по крайней мере, ему показалось) снова зажглась красная лампочка и ворчание моторов прекратилось, он окончательно разуверился в изобретении Федора Степановича. Если бы кто-нибудь из вас, дорогие читатели, мог в это время видеть выражение петькиного лица, то вам стало бы одновременно и смешно и жалко Петьку. Подобное выражение бывает у ребенка, который под заманчиво-яркой конфетной оберткой, вместо ожидаемого шоколада, обнаруживает корочку хлеба, положенную туда ради шутки старшим братишкой.

«Ну что я завтра расскажу ребятам? — думал Петька. — Они ведь засмеют меня. — Вот чудак, — скажут, — поверил в какую-то машину будущего!»

Углубившись в свои мысли, Петька не заметил, как дверца кабины открылась и кто-то заглянул в нее. Он все сидел, не отрывая глаз от красной лампочки, и не сразу сообразил, почему в кабине вдруг стало так светло.

Незнакомый мужской голос вывел Петьку из задумчивости. Петька повернул голову в сторону открытой дверцы и страшно удивился. К нему в кабину заглядывал незнакомый пожилой мужчина в красивом светлосером костюме и улыбался ему.

Внимательно всмотревшись в лицо неизвестно откуда появившегося человека, Петька внезапно заметил в нем что-то неуловимо знакомое. Ему показалось, что он уже видел когда-то и этот высокий лоб, и эти тонкие, как у девушки, брови. Прямой, словно выточенный, нос на скуластом лице. Упрямо сжатые



губы и невероятно знакомые серовато-голубые глаза...

— Генька! «Профессор»! — невольно воскликнул Петька, тут же покраснев и смутившись.

Да и как было не смутиться, назвав мужчину столь почтенного возраста «Генькой» да еще присовокупив к этому и школьную кличку.

Но незнакомец, видимо, нисколько не обиделся. Добродушным и несколько удивленным тоном он ответил:

— Меня действительно зовут Геннадием. Но я не профессор. Я лишь недавно защитил диссертацию кандидата технических наук. Откуда ты знаешь меня, мальчик?

Петька смотрел на него, выпучив глаза от удивления, и не мог вымолвить ни слова. У него был, наверное, очень смешной вид, потому что кандидат технических наук вдруг громко рассмеялся.

— Ну что ты на меня так удивленно смотришь?

И почему молчишь? А ну покажи язык — не проглотил ли?

Немного придя в себя и улыбнувшись шутке незнакомца, Петька решился спросить:

— А как ваша фамилия?

— Егоров. Геннадий Петрович Егоров. А что?

Сомнений быть не могло. Это был его одноклассник Генька Егоров, но только уже взрослый, пожилой.

«Когда же Генька успел вырасти и стать кандидатом технических наук? Уж не снится ли мне все это? — подумал Петька, дотрагиваясь рукой до красной лампочки. Лампочка продолжала гореть, и Петька ощутил исходящее от нее тепло. — Нет, не снится».

И тут только Петька вспомнил о Федоре Степановиче, о его замечательном изобретении и о том, как он только что сомневался в действенности «кабины будущего».

— Вот это да! — громко и восхищенно воскликнул Петька.

— Что? — не поняв или не расслышав, спросил Геннадий Петрович.

Теперь пришла петькина очередь расхохотаться.

Не поняв причины его смеха, Геннадий, Петрович подумал было, что Петька смеется над его костюмом или прической, и начал со всех сторон оглядывать себя и приглаживать свои и без того гладко причесанные волосы. Заметив это, Петька захохотал еще громче и замахал руками, давая понять, что смеется он вовсе не над Геннадием Петровичем.

Ну как было не смеяться! Перед Петькой стоял Генька, «профессор», которого он всего лишь несколько часов тому назад ударил в отместку за ябедничество, и не узнавал его, Петьку. Бывают же на свете такие чудеса!

— Неужели не узнаете?— сквозь душивший его смех спросил Петька.

Внимательно присмотревшись к нему, Геннадий Петрович ахнул от удивления. Вихры... веснушки... вздернутый нос... ну, конечно...

— Озорников?!

— Он самый. Краса и гордость мушкетерского полка восемнадцатой школы! — выйдя из кабины и вытянув руки по швам, смеясь, отрекомендовался Петька.

— Вот так встреча! — воскликнул Геннадий Петрович. — А я иду и вижу — стоит у обочины мостовой ни на что не похожий предмет — не то стальной ящик, не то кабина от старой легковой машины. Ни фар, ни стекол нет. Смотрю — дверца, ручка. Дай, думаю, загляну — что за штука? И вот нахожу тебя. Да, когда-то вместе учились. Вспоминаю, вспоминаю... А это «кабина будущего», изобретенная инженером Борисовым много лет тому назад, не правда ли?

Петька очень обрадовался, когда Геннадий Петрович узнал его, но его огорчило, что Геннадий Петрович знает об изобретении Федора Степановича, которое, как говорил тот, никому еще неизвестно. Но Петька тут же утешился мыслью, что кандидат технических наук Егоров ведь давно уже живет в этом «будущем», куда он, Петька, прибыл только сейчас.

Пока Петька размышлял, Геннадий Петрович вспоминал свои школьные годы. Вспомнил он и случай, когда Петька ударил его. Но, решив не напоминать «путешественнику» об этом, он дружески протянул ему руку:

— Мы ведь с тобой не поздоровались еще.

Петька охотно ответил рукопожатием.

— Теперь мы подружимся, правда? — сказал Геннадий Петрович.

— Конечно, — ответил Петька и, немного подумав, добавил:

— Если только ябедничать не будете.

Не желая показывать виду, что он помнит их старую ссору, Геннадий Петрович удивленно спросил:

— Разве я когда-нибудь ябедничал?

— Конечно. Вспомните хорошенько.

И Геннадию Петровичу поневоле пришлось «вспомнить».

— А-а, да-да! Мы, кажется, действительно как-то повздорили с тобой.

— Так ведь это же было сегодня на втором уроке.

— Для тебя это произошло сегодня, а для меня — очень давно. К тому же я не считал и теперь не считаю тот свой поступок ябедничеством. Ты тогда был совершенно неправ.

— Что тебя... то есть, извините, вас побил?

— Нет, не в этом дело! Тебе надо было честно признаться в своем поступке Ольге Ивановне, а ты струсил.

— Это ты... то есть, извиняюсь, вы струсили!— вспылил Петька.

— Я?!

— Конечно. Если бы ты...— тут Петька забыл извиниться и поправиться,— не боялся бы Ольги Ивановны, так разве бы сказал ей про меня?

— Напрасно ты так думаешь, Петя. Я сделал это вовсе не из трусости. Я всегда говорил и говорю только правду. И так делают все настоящие пионеры, комсомольцы, все советские люди.

Заметив, что Петька снова хочет возражать ему, Геннадий Петрович решил прекратить спор:

— Ладно, ты вот поживешь у нас здесь, поосмотришься, может, и сам разберешься, кто из нас прав и кто виноват. А пока забудем про тот случай.

Петька и сам желал окончания этого разговора, так как боялся, что Геннадий Петрович сейчас начнет читать ему мораль.

— Согласен,— сказал он.

ГОРОД МАЙСК

Они стояли под густой зеленой кроной каштана, выставившего, словно на показ, свои белые сладко пахнущие цветы-свечки. Каштаны, вперемежку с не распустившейся еще акацией, тянулись по обеим сторонам широкой улицы. Прохладная тень их ложилась на тротуары. На углах, где улицы перекрещивались, высоко к небу вздымали свои верхушки пирамидальные тополя. Весенней свежестью дышал этот стройный ансамбль пышнозеленых деревьев. Земля под каж-

дым деревом была тщательно взрыхлена, и из нее пробивалась молодая зеленая трава.

По шоссе один за другим мчались легковые электромобили различных форм и цветов. Между ними великанами плыли атомбусы и электробусы[1]. Над крышами домов пролетали вертолеты, в недосягаемой высоте молниями мелькали реактивные самолеты и ракетопланы[2], доставлявшие пассажиров в самые дальние уголки мира за несколько часов. Изредка вдруг показывался в вышине аэропоезд и тут же скрывался за фронтонами зданий.

Но все это огромное движение электромобилей, атомбусов и других незнакомых, невиданных видов городского транспорта не производило почти никакого шума. Лишь легкое шуршание трущихся о блестящий асфальт колес нарушало тишину. Не ощущалось и привычного горьковатого запаха отработанного бензина.

Каждый заметил бы, что все в этом городе устроено было так, чтобы как можно дольше сохранялись силы и здоровье человека. Шум, какой бы то ни было, всегда мешает человеку, нарушает нормальную работу мозга, действует на нервную систему,— и шум здесь был сведен до минимума. Листья деревьев поглощают углекислый газ и выделяют необходимый для человеческого организма кислород,— и город утопал в зелени. Пыль, попадая в организм человека, садится на легкие и вызывает различные заболевания, потому что вместе с пылью проникают всевозможные микробы,— и ежечасно разъезжающие по улицам города электромобили-пылесосы всасывали ее в себя. Ни единой пылинки не видно было даже в солнечных лучах, падавших через густую зелень деревьев на зеркальную поверхность тротуара.

---

[1] Электромобили, электробусы — имеются в виду машины, подобные современным автомобилям и автобусам, но приводящиеся в движение с помощью электрического двигателя. Атомбусы — машины, работающие на атомной энергии.

[2] Ракетоплан — тип реактивного самолета.

Петька перевел взгляд в сторону и пребольно ущипнул себя за щеку — «не сон ли!» Перед ним высился ослепительный, словно сделанный из хрусталя, дворец. Весеннее солнце всеми цветами радуги играло на его стенах. Да нет, не одно, а будто тысячи солнц! Они отражались везде: в сотнях мраморных и бронзовых статуй, украшавших здание, на карнизах и фронтонах. Эти отраженные маленькие солнца изливали свой свет из окон комнат, пробегали по парапету, поднимались по сверкающей широкой входной лестнице.

Петька вспомнил про виденные им на фотографиях высотные дома Москвы, но даже и они не могли сравниться с этим сияющим дворцом. Стремительно вознеслись в небо его строгие контуры. Белое облачко застыло на крыше, будто зацепилось за золотой шпиль и не может от него оторваться. Несмотря на массивность и колоссальную высоту, дворец казался легким, воздушным, словно утренний туман, поднявшийся над озером, который в любую минуту может рассеяться. Перед порталом из беломраморных колонн выбрасывал высоченные струи воды фонтан, сделанный в виде огромной расписной фарфоровой вазы. Достигнув предельной высоты, струи рассыпались и массами изумрудных капель падали вниз.

— Где я?— тихо, словно боясь нарушить очарование увиденного, воскликнул Петька.

— Неужели не узнаешь?— спросил Геннадий Петрович, положив свою руку на петькино плечо.

Петька еще раз оглянулся на дворец, посмотрел вдоль улицы, глянул зачем-то вверх и нерешительно ответил:

— Нет.

— Это же Майск.

Петька перебрал в памяти названия всех городов, какие он знал по карте, оставшейся от отца и висевшей над петькиной кроватью, но такого названия вспомнить не мог.

— Я никогда не слыхал о таком городе,— сознался он, первый раз в жизни пожалев о том, что так плохо учил географию.

— Ах, я и забыл,— спохватился Геннадий Петро-

вич,— наш город ведь был в свое время переименован. Новое название дано ему в честь великого международного праздника Первого Мая. Вот видишь, как много изменений произошло за это время. Ты даже своего родного города не узнал.

— Так это наш город?— изумленно переспросил Петька.

— Конечно.

— А дворец этот настоящий?— Петька кивнул головой в сторону поразившего его здания.

— Разумеется, настоящий. Только это не дворец, а жилой дом. В нашем городе уже больше десяти таких зданий построено.

— А почему он словно стеклянный?

— Мы все стараемся делать так, чтобы было красиво. А дом этот действительно сделан из стекла.

Петька вопрошающе взглянул на Геннадия Петровича.

— Да, да,— продолжал тот,—ничего удивительного в этом нет. Только это так называемое фосфорное стекло. Оно сделано не из песка, а из отходов производства фосфорных удобрений.

Петька не поверил и с усмешкой спросил:

— А жильцы этого дома, наверное, на цыпочках ходят?

— Почему ты так думаешь?

— Так ведь это же стекло, а не камень. Поскользнешься, упадешь — сам разобьешься и пол разобьешь. А если еще что-нибудь тяжелое несешь — гирю, например...— и Петька громко рассмеялся, представив себя растянувшимся на разбитом стеклянном полу с провалившейся вниз гирей.

— Эх ты, фантазер! Я же говорю тебе, что это не обыкновенное, а фосфорное стекло. Оно крепче любого камня. Запасы фосфата алюминия, который служит основным сырьем для изготовления этого стекла, у нас огромные, а производство его стоит значительно дешевле, чем цемент, железо, дерево, идущие на строительство обычных домов.

— А если из рогатки в него пульнуть? — не сдавался Петька

— Во-первых, рогатки давно вышли из употребления,— отвечал Геннадий Петрович с улыбкой,— а во-вторых, от твоей «пули» на фосфорном стекле даже и царапины не окажется.

— И чего это стекло раньше не изобрели!— пожалел Петька, вспомнив несостоявшуюся покупку футбольного мяча.

— Немало интересного было изобретено за эти годы,— сказал Геннадий Петрович.— Народ наш создал такие вещи, о которых несколько десятков лет тому назад писалось лишь в научно-фантастических романах.

— Вот бы на наш дом посмотреть!— мечтательно воскликнул Петька.

— А ты на какой улице жил?

— На улице имени Пушкина.

— Так мы как раз и находимся сейчас на этой улице. А номер дома какой?

— Тридцать восемь.

— Повернись и посмотри направо.

Петька оглянулся и застыл от восхищения. На том месте, где стоял когда-то их дом в два этажа, возвышалось пятиэтажное здание красивейшей архитектуры. В черную поверхность гранитного цоколя[1] можно было глядеться, как в зеркало. Перила балконов обвивала зелень плюща и дикого винограда. Полуовальный вход украшали горельефы[2], выполненные замечательными мастерами-камнерезами.

В нижнем этаже расположились магазины. Казалось, вся улица отражалась в огромных стеклах их витрин. Большинство окон второго, третьего, четвертого и пятого этажей были открыты, и кружевные занавеси на них слегка колыхались от свежего ветерка. Вот из одного окна выглянула какая-то женщина. По карнизу важно разгуливал белый голубь.

И Петьке вдруг показалось, что он давно уже живет в этом городе Майске, что из окна это выгляды-

---

[1] Цоколь. — Нижняя часть здания.

[2] Горельеф — скульптурное изображение на плоской поверхности.

вала мама, что голубь принадлежит соседскому мальчику Вите, что Геннадий Петрович это не «бывший» Генька-«профессор», а его хороший взрослый друг. Ведь у ребят часто бывают взрослые друзья.

«А вот возьму, да и не приеду назад,— размышлял Петька, провожая взглядом мчащийся по асфальту электромобиль.— Пускай они там поищут меня. Вот Федор Степанович перепугается! А Ольга Ивановна будет ругать себя: «Зачем,— скажет,— я хотела его из школы исключить! Лучше бы уж он учился». А Борька и Павлик, если узнают, куда я попал,— обязательно станут просить Федора Степановича отправить их тоже сюда. Но Федор Степанович ни за что не согласится... А как же мама? Маму... жалко. Нет, вернусь назад. Поживу здесь немного, а потом сяду в кабину — и айда...»— Петькины размышления перебил голос Геннадия Петровича:

— Сейчас я позвоню на работу, Петя, а потом мы пойдем позавтракаем.

— Позавтракаем?— удивился Петька.

— Да. А ты разве уже завтракал?

— Конечно, сегодня утром, перед тем, как пойти в школу. Ведь сейчас должно быть часа три—четыре дня.

— Не знаю, на каких ты часах увидел столько времени, но сейчас всего около десяти часов утра.

Петька вскинул голову вверх. Действительно, солнце только начинало подходить к зениту. В воздухе чувствовалась утренняя свежесть. А еще потому, что при упоминании о завтраке ему очень захотелось есть, Петька догадался, что каким-то сверхъестественным образом он пробыл в «кабине будущего» не несколько минут, а более пятнадцати часов.

Геннадий Петрович подошел к небольшому пластмассовому шкафчику, вделанному в угол здания. Позже Петька заметил, что такие шкафчики имелись в каждом углу дома. Геннадий Петрович открыл дверцу — там стоял телефонный аппарат. Набрав номер и подождав несколько секунд, Геннадий Петрович сказал в трубку:

— Доброе утро, Иван Ильич!.. Вы хорошо меня

видите? Сегодня я вынужден задержаться... Очень интересный случай. Вы помните «кабину будущего» конструкции инженера Борисова?.. Да, да, она самая. Так вот, сейчас я встретил своего бывшего одноклассника, прилетевшего к нам в гости. Для него все так ново и волнующе, что я считаю прямой своей обязанностью кое-что показать и рассказать ему... Да, вот этот самый и есть наш гость — Петя Озорников. Видите его?

Прислушивавшийся к разговору Петька оторопел— неужели тот, с кем разговаривает Геннадий Петрович, знает его, Петьку Озорникова? Но все стало понятным, когда Петька заглянул внутрь шкафчика. Это был телефон-телевизор. На небольшом экране он увидел сначала только седую бороду и усы, и лишь когда борода повернулась в его сторону, Петька разглядел лицо человека, сидящего за заваленным грудой разных бумаг письменным столом. Тут уж не обманешь, не позвонишь в шутку от лица другого человека — оба говорившие прекрасно видели друг друга.

Иван Ильич усмехнулся и подмигнул Петьке — ну как, мол, дела? Петька засмеялся и кивнул головой— «хорошо». Геннадий Петрович между тем продолжал разговор:

— Да, Иван Ильич, передайте, пожалуйста, в фотопечатный цех мою работу. Рукопись в правом ящике моего стола сверху. Пусть отпечатают двенадцать экземпляров. До завтра, Иван Ильич!— Геннадий Петрович положил трубку. Экран в ту же секунду потемнел. Петька с сожалением отошел от такого замечательного телефона.

— А что это за фотопечатный цех, о котором вы говорили? — спросил он Геннадия Петровича.— Там фотокарточки делают?

— Нет, не фотокарточки. Это очень интересное изобретение. Работа машинистки была, как ты, наверно, знаешь, очень утомительной. Попробуй несколько часов кряду простучать на обыкновенной пишущей машинке! Вот наши ученые и решили сконструировать такой аппарат, который заменил бы трудную работу машинистки. Аппарат этот был изобретен в 196...

году инженером Лукашиным. Устроен он довольно просто. Я как-нибудь покажу его тебе. Дело сводится к тому, что страница рукописи, написанная возможно более разборчивым почерком, вставляется в рамку, над которой находится объектив специального устройства. В нем расположено около десяти различных оптических стекол. Буква за буквой, строчка за строчкой как бы фотографируются и, преломляясь в фокусах линз, превращаются в обыкновенные печатные буквы. Их изображение передается на обычную фотографическую пластинку определенного формата. В течение минуты пластинка проявляется и сушится. К ней подается тонкая фотобумага. Еще минута — и отпечаток готов. Как проявление, так и подача пластинок и бумаги производятся автоматически. За один час этим аппаратом можно отпечатать более сотни страниц.

— Вот это да! — воскликнул Петька.— Мне бы такой аппарат!

— Зачем он тебе? — удивился Геннадий Петрович.

— Я бы его на контрольных работах использовал,— размечтался Петька.— Незаметно поставил бы объектив позади отличника, а у меня буква за буквой, строчка за строчкой и отпечатывались бы. Я бы только сидел и переписывал.

Геннадий Петрович рассмеялся.

— На шпаргалки ты мастер! Эх, Петя, лучше бы ты подумал, как самому на «отлично» учиться, чем у других списывать. Да и аппарат этот не маленький — учительница сразу заметит.

— Это верно, заметит,—огорченно вздохнул Петька.— Вот если бы маленький-маленький, чтоб незаметно было!

— Пойдем-ка лучше завтракать,— вздохнул Геннадий Петрович.— Мы еще поговорим с тобой.

И ПОВАР ДОЛЖЕН ИНСТИТУТ КОНЧАТЬ...

Столовая находилась в нижнем этаже того же самого дома, откуда они звонили по телефону, рядом с магазином готового платья.

Когда Геннадий Петрович и Петька вошли в столовую, там было почти пусто. Жильцы этого дома, повидимому, уже позавтракали и ушли на работу. Эта обыкновенная для жителей Майска столовая, имевшаяся в каждом доме, напомнила Петьке роскошный ресторан на Гоголевской улице, куда они с мамой заходили по воскресеньям выпить кофе или какао с кексом.

Над каждым столиком свешивались широкие листья пальм, но не искусственных, как в том ресторане, а настоящих, с широкими сочными листьями и волосатым стволом. Беспрерывно работали бесшумные вентиляторы, и с улицы вливался свежий утренний воздух. В два ровных ряда выстроились обеденные столики, покрытые белоснежными скатертями.

Петька сразу же направился к облюбованному им столику, но Геннадий Петрович остановил его:

— Покажи-ка руки.

Петька нехотя повиновался.

— Такими руками скатерть запачкаешь. А ну-ка, пойдем умываться!

Через несколько минут они вышли из умывальной комнаты, где Петьке особенно понравилась струя теплого сухого воздуха вместо полотенца, и сели за стол. На нем был установлен небольшой микрофон, около которого лежало меню. Геннадий Петрович развернул меню, включил микрофон и негромко сказал:

— Доброе утро. Две яичницы, пожалуйста.

Спустя минуту, из противоположных дверей выкатился маленький столик, на котором стояли две блестящие сковородочки с дымящейся яичницей и тарелка с хлебом, а также лежали ножи, вилки, салфетки. Никем не подталкиваемый столик медленно подъехал прямо к ним. Тут только Петька заметил, что в паркетный пол были вделаны две железные полоски, служившие рельсами для столика-официанта. Когда Геннадий Петрович поставил пустые сковородки обратно, столик уехал. Таким же образом к ним попало какао и пирожное. После сытного завтрака сразу вставать

из-за стола не хотелось. Решив занять Геннадия Петровича разговором, Петька сказал:

— В нашем доме живет тетя Дуся. Толстенькая такая, помните?

Геннадий Петрович, в прошлом — Генька-«профессор», не помнил тетю Дусю, но, чтобы не обидеть Петьку, ответил:

— Что-то припоминаю.

Довольный тем, что Геннадий Петрович знает тетю Дусю, Петька продолжал:

— Она в столовой поваром работает. Вот, говорит, тяжелая работа!

— Почему же?— спросил Геннадий Петрович.

— Потому что на кухне жарко, устаешь очень, а те, что обедают в столовой, не сознают этого, — никак не угодишь им: то обеды недосоленные, то пересоленные. А то еще и в жалобную книгу пишут. Тете Дусе за это два выговора объявили. Даже с работы уволить хотели.

— Правильно делают, что пишут,— к петькиному огорчению сказал Геннадий Петрович.— Каждый человек должен честно к своей работе относиться. Да. А у нас вот сейчас работа у поваров совершенно другая. Она совсем не тяжелая. Зато для того, чтобы стать поваром, нужно специальный институт окончить. Повар должен уметь обращаться с очень сложными приборами, установленными в современной автоматической кухне. Таких приборов в ней около ста. Они выполняют всю физическую работу — нужно только уметь управлять ими. Приборы эти сами и продукты режут, и моют, и нужное количество отмеряют, и отвешивают, и варят, и сообщают, когда кушанье готово, и на тарелки порции раскладывают.

— Если такие приборы есть, то зачем же институт кончать? Нажал кнопку — суп готов, нажал вторую — яичница, третью — блины...

— Ты не прав, Петя. Приборами управлять вовсе не так просто, как ты думаешь. Кроме того, повар у нас является в то же время и врачом-диетологом. Он знает не только, как приготовить вкусную пищу и красиво подать ее, но и сколько и каких в данном блюде

содержится витаминов, сколько имеет оно питательных калорий... Вот для чего повару нужно институт кончать. Да и вообще без высшего образования у нас сейчас почти ни к какой работе не допускают.

— Выходит, дворнику тоже нужно высшее образование? — усмехнулся Петька, вспомнив, как мать прочила его в дворники.

— Таких должностей сейчас нет. Уборка дворов и улиц производится исключительно машинами.

— А трубочисту? — не унимался Петька.

— Кому-кому? — переспросил Геннадий Петрович.— Ах, трубочисту? Я даже забыл, что такая профессия когда-то существовала. Ну конечно, трубочистов у нас сейчас тоже нет. Атомная энергия и электричество освободили людей от подобной грязной работы. Дома отапливаются атомной энергией, обеды приготовляются также при ее помощи.— И Геннадий Петрович принялся рассказывать о применении атомной энергии в народном хозяйстве страны.

«Неужели нет такой специальности, чтобы нельзя было работать без высшего образования?» — думал в это время Петька, перебирая в памяти все знакомые ему профессии. Вспомнив вдруг стройку, на которую они часто забегали с Борькой и Павликом, он спросил:

— А каменщик?

— Что «каменщик»? — увлекшись рассказом, не сразу понял Геннадий Петрович.

— Каменщику тоже нужно высшее образование?

— Каменщиков, как таковых, сейчас нет. Есть инженеры кладки. Вот ты видел здание, сделанное из фосфорного стекла. Оно построено с помощью десятков всевозможных сложных агрегатов. Тот, кто управляет ими, должен хорошо изучить проект всего здания, чтобы не допустить ни малейшей неточности. Инженер кладки знает и составы строительных материалов, и их назначение, и многое другое, чего прежний каменщик, конечно, не мог знать.

Заметив, что Петька напряженно старается вспомнить еще какую-либо специальность, для которой не требовалось бы кончать институт, Геннадий Петрович сказал:

— Ты лучше не напрягай память зря. Нет сейчас таких специальностей. Техника шагнула так далеко вперед, что человеку, который даже нигде не работает, и то трудно прожить без образования. Автоматические приборы, машины и механизмы, встречающиеся на каждом шагу — и на работе, и на улице, и в домашнем обиходе,— требуют знаний и умения обращаться с ними. Но главное даже и не в этом. Высшее образование развивает человека, повышает его культуру, заставляет его по-иному мыслить и чувствовать, вырабатывает в нем высокое чувство сознательности.

«Ну, пошло уже «высокое чувство сознательности»,— вздохнув, подумал Петька, снова вспомнив пионервожатую Лиду.— Высшее образование! Тут хотя бы семилетку закончить».

МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ИСТОРИИ

— А сейчас мы прокатимся по городу,— сказал Геннадий Петрович, когда они вышли из столовой.

За углом дома Петька увидел площадку, на которой стояло более тридцати электромобилей различных видов и марок. Тут были и длинные, сверкающие черной лакировкой девятиместные машины, и маленькие, словно игрушечные, электромобильчики на одного человека. На большинстве машин была опущена табличка с надписью «свободно». Это напомнило Петьке серые, с «шахматной» лентой, такси, и он спросил:

— Это такси?

Геннадий Петрович сразу догадался, почему Петька задал такой вопрос, и ответил:

— Нет. Такси давно прекратили свое существование. Таблички с надписью «свободно» означают, что на эту машину каждый может сесть и поехать, куда ему нужно. У нас каждый человек может иметь свой электромобиль, но дело в том, что тогда оказалось бы столько машин, что их просто-напросто некуда было бы ставить. Да и зачем каждому свой электромобиль?

У нас порядок такой: если человек приехал, куда ему требовалось, и машина ему пока не нужна, он отводит ее на площадку, которая оборудована почти около каждого дома, и опускает табличку. Если же он заехал куда-нибудь только на несколько минут, то не опускает табличку, и тогда на этот электромобиль уже никто не сядет.

— А если сядет? — спросил Петька.

— Ничего страшного, конечно, не случится, но это покажет недисциплинированность, несознательность, неуважение того человека к обществу и к самому себе. Такие случаи бывают у нас исключительно редко.

На площадку въезжали между тем все новые и новые электромобили, а другие отъезжали. Геннадий Петрович и Петька выбрали себе небольшой двухместный электромобиль шоколадного цвета. Несмотря на маленький объем машины, сидеть в ней было очень удобно и просторно. Чувствовалось, что конструктор ее немало потрудился над моделью. Геннадий Петрович сел за руль, а Петька гордо развалился на сидении и, опустив стекло, высунул локоть правой руки наружу. С сожалением вспомнил он своих товарищей-мушкетеров — «Вот лопнули бы от зависти!»

Под ногами водителя не было ни тормозной педали, ни ручки переключения скоростей. Кроме обычной рулевой «баранки», перед ним светилось лишь небольшое стекло, прикрывающее табличку с десятком делений. На одном из них неподвижно застыла тоненькая стрелка, покрытая светящимся составом. Под табличкой — маленький рычажок с коричневой головкой. Геннадий Петрович мягко сдвинул рычажок влево, стрелка чуть дрогнула, переместилась на новое деление, и машина неслышно тронулась с места. Они выехали на широкий простор улицы, по которой в ту и другую сторону сновали сотни различных электромобилей, державшихся на строго определенном расстоянии друг от друга.

— А чем сейчас машины заправляют? Тоже бензином? — спросил Петька.

— Нет. Бензин идет на другие нужды промышленности. А моторы машин работают на электрической энергии. Поэтому они и называются не «авто», а электромобилями.

— А где же провода? — удивился Петька.

— Э, проводов у нас давно уже нет.

Петька оглядел тротуар, ближайшие здания, всю улицу — ни столбов, ни проводов действительно нигде не было видно. Машина их тем временем мчалась по проспекту Знаний. По обе его стороны расположились студенческие городки. В различных высших учебных заведениях учились тысячи юношей и девушек Майска. Здесь же повышали свое образование и взрослые, еще не имеющие вузовского диплома.

Восхищаясь всем, что он видел, Петька почти не слушал Геннадия Петровича, который рассказывал ему о том, как получаемым на ядерных энергостанциях электричеством заряжают мощные сверхаккумуляторы, о том, что электричество почти полностью вытеснило из потребления уголь, дрова, бензин, о том, как энергией сверхаккумуляторов движутся электромобили, самолеты, аэропоезда.

Геннадий Петрович, увлекшись, будто он читал лекцию для обширной аудитории, говорил о маленьких атомных установках на поездах, о ракетопланах, об атомбусах, приводил десятки всевозможных цифр и расчетов. Из всего этого Петьке врезался в память лишь пример огромной силы атомной энергии. Оказывается, если расщепить ядра атомов только одного килограмма каменного угля, то полученной энергии может хватить для работы всех энергетических установок мира, которые прежде ежедневно сжигали около пяти миллионов тонн угля.

— Куда мы едем?— спросил Петька, когда Геннадий Петрович закончил «лекцию».

— В исторический музей. Там ты увидишь, как постепенно менялся облик нашего города, как улучшались условия труда на заводах и фабриках,—ответил Геннадий Петрович.

— И долго еще ехать?
— Разве тебе надоело?
— Нет, что вы! Я бы целый день так катался.

Ехать действительно было очень приятно. Врывающийся в окошко ветерок развевал во все стороны петькины вихры. Казалось — не в машине едешь, а на крыльях летишь.

Петька никогда не думал, что Майск такой огромный город. С проспекта Знаний машина свернула на улицу Искусств. Целый квартал здесь занимало здание оперного театра. В ярких лучах солнца сверкал золотом купол цирка. Электромобиль промчался мимо стадиона, на трибунах которого могло вместиться пятьдесят, а может, и сто тысяч человек, мимо колоссального парка культуры и отдыха и остановился у подъезда исторического музея.

В это время в музей входила большая группа школьников. У каждого на груди алел пионерский галстук. Геннадий Петрович и Петька посторонились, пропустили группу вперед и вошли вслед за ними. Руководитель экскурсии, он же преподаватель истории, остановил учащихся в первом зале и, выждав несколько секунд, пока наступила тишина, сказал:

— Сейчас мы продолжим наш урок по истории Советского Союза в этом музее. Мы остановились с вами, ребята, на развитии народного хозяйства нашей страны во второй пятилетке, после окончания Великой Отечественной войны. Посмотрите сюда...

Взоры всех ребят обратились к действующей модели чугунолитейного завода. Школьники с любопытством глядели на доменную печь, на груды угля, железной руды, кокса. Учитель между тем рассказывал:

— Наш советский народ, выдержавший тяжкие испытания во второй мировой войне, в течение нескольких лет восстановил промышленность, разрушенную варварами-фашистами. Началось дальнейшее повышение уровня народного хозяйства Советской

страны. Росла культура нашего народа. Развивалась наука...

— Вы нигде не увидите сейчас,— говорил учитель,— высоких кирпичных и железных труб, из которых валом валит вредный для здоровья дым. Атомная энергия, умело использованная советскими учеными, позволила создать заводы нового типа.— Палочка-указка учителя остановилась на другой модели — тоже чугунолитейного, но современного завода, работающего на атомной энергии. Все процессы загрузки и выгрузки здесь были полностью автоматизированы. Доменной печью управлял один диспетчер. Около летки-отверстия, откуда лился расплавленный чугун, стояли специальные аппараты, не допускающие распространения исходящей от металла жары. Чистота в цехах царила такая, словно это был не чугунолитейный завод, а завод, изготавливающий телевизоры.

Петька потянул Геннадия Петровича за рукав:

— Пойдемте лучше куда-нибудь в другое место.

— Почему? — удивился Геннадий Петрович.

— Я думал — это музей, а тут школа.

— Вот оно что! — засмеялся Геннадий Петрович.— Нет, это все-таки музей, а не школа. Школьники часто приходят сюда на экскурсии. Здесь они лучше усваивают урок. Но если ты не хочешь слушать объяснений учителя, давай посмотрим сами.

После минутного колебания Петька согласился, и Геннадий Петрович повел его в зал, над дверью которого было написано: «Юные строители коммунизма».

Тысячи всевозможных экспонатов, выставленных в этом зале, рассказывали о жизни и делах пионеров эпохи Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

В коричневом коленкоровом переплете с тисненными золотом буквами лежала книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», а рядом — альбом с фотоснимками тимуровских команд, создававшихся советскими ребятами в годы войны.

Петькин взгляд привлекла небольшая позолочен-

ная рамка. Под стеклом виднелся рукописный текст. Петька подошел ближе и прочитал:

«Юным пионерам Советского Союза.

От всего сердца приветствую юных пионеров и школьников в день тридцатилетия пионерской организации имени В. И. Ленина. Желаю пионерам и школьникам здоровья и успехов в учении, труде, общественной работе.

Пусть пионерская организация и впредь воспитывает пионеров и школьников верными ленинцами, преданными сынами нашей великой Родины.

И. Сталин.»

Петька вспомнил, как совсем недавно на пионерском сборе в торжественной тишине пионервожатая Лида читала телеграмму вождя. Прочитав ее, она сделала пионерский салют и громко, взволнованно произнесла:

— Будьте готовы!

Сотни рук взметнулись вверх, и звонкий хор ребячих голосов горячо ответил:

— Всегда готовы!

— Знаешь, что, Петя,— обратился к нему через несколько минут Геннадий Петрович,— я на работу пойду. Привык работать в эти часы... Словно не хватает чего-то. А ты еще в музее побудь. Здесь немало для тебя интересного. А что не поймешь — я потом объясню. Вот тебе мой адрес,— Геннадий Петрович быстро набросал на листке блокнота несколько строк и подал бумажку Петьке.— Попросишь кого-нибудь, и тебя любой человек довезет по этому адресу. Не боишься остаться без меня? — спросил Геннадий Петрович.

— Чего ж бояться!— усмехнулся Петька и, сунув в карман листок с адресом Геннадия Петровича, прошел в следующий зал.

Больше часа проходил Петька по музею Великой Истории.

В одном из залов на небольшом фотоснимке он увидел вдруг знакомое двухэтажное здание, окруженное

невысокими саженцами. Да это же их школа! Деревья были посажены школьниками в первый послевоенный год. А рядом — другой снимок. То же место, но у школьного здания прибавилось еще два этажа, а деревья разрослись так, что тени от них падают на другую сторону улицы. Не выросла только одна липка на углу, та самая, у которой они, «мушкетеры», срезали как-то верхушку на шпаги. И Петька горько пожалел об этом. Ведь «шпаги» они через час поломали и выбросили. А какое бы теперь дерево было!

А вот фотоснимки воскресников трудящихся их города тех же послевоенных лет. Люди отдают часы своего отдыха на восстановление родного города... Вот улица Дзержинского. Самосвалы вывозят обломки разбитых зданий... Улица Маяковского. Торжественная закладка фундамента первого послевоенного жилого дома... Площадь Свободы. Разбивка сквера. Посадка деревьев, цветов...

А вот и сегодняшний Майск!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

Петька вышел из музея и задумался — что же делать дальше?

Он прошел несколько шагов и остановился. «А вдруг милиционер заберет?» — подумалось ему. Но тут же он стал припоминать: сколько они с Геннадием Петровичем ни ездили, где ни бывали, ни одного милиционера Петька не видел. Да и за что его забирать? — он же вроде как на экскурсию приехал. И доказательство есть — стоящая на улице Пушкина «кабина будущего».

Петька смело зашагал по гладкому асфальту тротуара. Мимо промчался атомбус. Петька с невольным вожделением взглянул на заветную лесенку позади него — точно такую же, какие были у троллейбусов. На такой лесенке можно легко проехать без билета, но, пока он размышлял, атомбус скрылся из виду. Петька дошел до ближайшей остановки. Здесь стояло несколько женщин, которые, видимо, не умели са-

ми управлять электромобилем и оживленно разговаривали в ожидании попутной машины. Проезжавший мимо на электромобиле мужчина затормозил и спросил:

— Кому по пути? Я в сторону музыкального театра еду.

Женщины, поблагодарив, отрицательно покачали головами. Машина помчалась дальше. Неслышно подошел атомбус. Пока шла посадка, Петька прохаживался в сторонке. Но как только водитель дал сигнал отправления, он мигом очутился позади атомбуса и, вскочив на задний буфер, ловко уцепился за перекладину лесенки, ведущей на крышу машины.

Атомбус еще не успел набрать нужной скорости, как Петька заметил, что многие прохожие на улице заволновались и закричали, показывая на него руками.

«Пропал! — мелькнуло в петькиной голове, — оштрафуют!»

Водитель, заметив подаваемые прохожими знаки, остановил атомбус и выскочил из кабины, чтобы узнать в чем дело. Страшно испугавшись, Петька спрыгнул с лесенки и стремглав бросился бежать. В это время кто-то крепко схватил его за руку. Петька обернулся и увидел тщедушного на вид, но, повидимому, очень сильного старичка с седой «козлиной» бородкой.

— Ты что это людей пугаешь? Разбиться хочешь, что ли? Или тебе в машине места мало?

— Дяденька, отпустите,— взмолился Петька и, применив старый испытанный им метод, попытался разжалобить старичка:— у меня мама больная. Я в больницу за врачом еду, а на билет денег нет. Я больше не буду, дяденька.— Все это Петька выпалил скороговоркой, так что окружающие его люди с минуту переглядывались между собой, не понимая, что сказал Петька.

— Постой, постой! Что ты за чепуху несешь? Во-первых, больница находится не в этой стороне, во-вторых, за врачом никто не ездит — достаточно позвонить по телефону, а, в-третьих, о каких деньгах и

о каких билетах ты говоришь? У тебя, наверное, жар, мальчик! — Старичок приложил свою руку к петькиной голове.—Впрочем, температуры, как будто, нет.

Подошедший шофер укоризненно посмотрел на Петьку, покачал головой, взглянул на часы и сказал:

— Видишь, целых две минуты простоял из-за тебя атомбус. Ну, да это ничего, а ты вот разбиться мог.

— Ну да, разбиться!.. Что мне, в первый раз, что ли? — пробормотал Петька, посмотрев по сторонам,—нельзя ли как-нибудь улизнуть?

Старичок давно уже отпустил петькину руку. Собравшаяся толпа начала расходиться. Водитель сел за руль, и атомбус умчался.

— Где ты живешь, мальчик? — спросил старичок.

Вместо ответа Петька чуть пригнулся, шмыгнул между двух женщин и бросился бежать. Старичок удивленно посмотрел ему вслед, пожал плечами и, сказав: «Какой странный ребенок!», вошел в подъезд дома.

А Петька тем временем, не оглядываясь, бежал так, словно за ним гнался, по крайней мере, целый отряд милиционеров. Какая-то женщина, которую Петька чуть не сбил с ног, проворчала ему вслед:

— Просто удивительно! Сколько для них стадионов построено, а он еще и по тротуару бегает!

Шедший навстречу юноша в спортивной форме, решив подшутить над бежавшим мальчуганом, остановился и развел руки в стороны. Думая, что его хотят задержать, Петька метнулся прямо на шоссе. В этот момент как раз навстречу ему несся электромобиль. Петька заметил его лишь тогда, когда машина была уже совсем близко. Она шла с бешеной скоростью. Еще какая-то доля секунды — и он будет раздавлен! От страха у Петьки ослабели ноги и в глазах потемнело. Но электромобиль вдруг резко затормозил и остановился в двух метрах от него.

Петька, конечно, не знал, что спасение его не было лишь счастливой случайностью. Дело в том, что под электромобиль не мог попасть ни один человек, не мог и сам электромобиль наскочить на что-либо. Случаи аварий исключались. На переднем буфере

машины под наклонным углом друг к другу были установлены два фотоэлемента. Когда в их фокусе появлялась человеческая фигура, задняя часть впереди идущей машины или какой-нибудь предмет, мотор электромобиля моментально выключался и автоматически приходили в действие тормоза.

Увидев перепуганное лицо Петьки, шофер вышел из машины и направился было к нему, чтобы успокоить и, если надо, подвезти парнишку домой. Но

Петька, увидев его, рванулся в сторону и бросился бежать еще быстрее, чем прежде.

— Подожди, мальчик, куда ж ты бежишь? — крикнул водитель, но Петька был уже далеко.

Между двумя высокими домами (красоты их он и не заметил) Петька увидел стоянку электромобилей.

Подбежав к ней, он с опаской оглянулся. Никого поблизости как будто не было. Петька нырнул между машинами, пробежал несколько рядов, открыл заднюю дверцу большого серого электромобиля и, задыхаясь, плюхнулся на сидение. Отпружинив, дверца захлопнулась.

«Здесь не найдут»,— решил Петька, едва переводя дух. Только теперь он начал что-то соображать. «И чёрт меня угораздил прицепиться сзади! Раз здесь автомашинами (он не привык еще называть их электромобилями) пользуются бесплатно, значит, и на атомбусе без денег ездят. Вот дурак я!»

Неизвестно, долго ли еще ругал бы сам себя Петька за опрометчивость, но в это время открылась передняя дверца электромобиля, кто-то сел за руль, и машина тронулась с места...

Дело в том, что Петька забыл убрать табличку с надписью «свободно», и теперь кому-то понравилась именно эта машина. Делать было нечего. На ходу не выскочишь. Впрочем, Петька особенно и не сожалел об этом. Он не прочь был лишний раз прокатиться. Электромобиль то набирал скорость, то на несколько секунд останавливался на перекрестках и мчался снова.

Петька осторожно, почти не дыша, приподнялся и сел. Машину вел крепкого телосложения мужчина средних лет. Это был, повидимому, человек веселого нрава. Сначала он сам напевал какую-то незнакомую Петьке песенку, а потом включил радиоприемник, и электромобиль наполнила переливающаяся легкими волнами симфоническая музыка. Петька не столько обрадовался возможности послушать радиоприемник на ходу машины, сколько тому, что музыка позволяла ему свободно дышать и двигаться, не боясь, что его услышат. Он даже нечаянно кашлянул, но водитель, видно, принял это за треск в приемнике и не обратил никакого внимания. Ему, должно быть, и в голову не могло прийти, что он не один в машине.

Петька и не заметил, как они выехали за черту города. Обычно, если едешь за город, то улицы по

мере удаления от центра становятся уже, дома — меньше. Кто не знает старых окраинных домиков, огороженных деревянным штакетным заборчиком или кустами акации! Прямо по дороге бродят стаи гусей и кур. Нередко можно услышать мычание коров и хрюканье свиней. А тут город оборвался как-то внезапно. Петька не видел ни узких и кривых улиц, ни маленьких домишек, не слыхал неистового лая собак, обычно выскакивающих из-под подворотни на шум проезжающей машины. Городская улица неожиданно перешла в бетонированное двенадцатиметровой ширины шоссе. По обеим сторонам его протягивали свои ветви с уже завязывающимися плодами яблони, задирали головы к небу красавицы-груши; покрытые густой, с едва уловимым розоватым оттенком, зеленью стояли персиковые деревья. За ними тянулись зеленые поля, пересеченные ровными полосами садов и лесопосадок. Невдалеке выстроился ряд гигантских теплиц и оранжерей. Оттуда население города зимой и летом получало свежие овощи, грибы, ягоды и фрукты.

В МИРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Машина, вдруг круто свернув вправо, промчалась мимо теплиц и оранжерей, которые растянулись на несколько километров, и перед Петькой неожиданно выросли громадные корпуса необычных строений. Это была ядерная энергостанция — живое сердце Майска. Отсюда по подземным огнеупорным трубам шло тепло на поля, в теплицы, сады, виноградники. Этим же теплом обогревались все городские здания. По высоковольтным проводам уходили в город сотни тысяч киловатт электрической энергии. Здесь заряжались сверхмощные аккумуляторы для электромобилей, вертолетов, электропланов и для десятка других видов транспорта.

При приближении электромобиля автоматически раздвинулись широкие ворота, вылитые, для облегчения веса, из пластмассы, и машина въехала во двор.

Боясь быть замеченным, Петька снова лег на сидение, а водитель вышел из машины и направился к подъезду главного корпуса. Это был Михаил Григорьевич Ступин — известный физик, защитивший год тому назад докторскую диссертацию. Он работал сменным инженером ядерной энергостанции и теперь приехал на дежурство.

Сначала Михаил Григорьевич зашел в душевую. Здесь он разделся и повесил одежду в пластмассовый шкафчик. Освежившись под душем, он, вместо костюма, натянул на себя комбинезон из специального материала, непроницаемого для радиоактивных лучей, надел защитную фуражку и прошел в турбогенераторное отделение.

Турбогенераторное отделение по своему объему было ничуть не меньше стадиона, рассчитанного на пять-десять тысяч человек — зрителей. Здесь находились десятки всевозможных сооружений. Основное место среди них занимал атомный генератор — урановый котел. В нем-то и происходил распад атомных ядер.

С урановым котлом была связана другая установка — источник бомбардировочных снарядов-нейтронов. Отсюда, как из сверхмощного артиллерийского орудия, вылетали миллионы атомных частичек — нейтронов. Удар нейтрона, попавшего в ядро атома урана, в тысячные доли секунды расщепляет его. Из расщепленного атома вылетают три новых нейтрона, которые в свою очередь моментально вызывают расщепление еще трех атомов урана. Снова освобождаются нейтроны и снова происходит распад атомов. Расщепляясь, атомы выделяют огромные массы энергии. Так, от расщепления одного лишь грамма урана получается столько энергии, что ее может хватить на кипячение ста тонн воды. Процесс расщепления атомов в атомном котле тщательно регулируется — в противном случае может получиться чудовищной силы взрыв.

Работой атомного генератора управлял один человек. Он помещался в специальной комнате—диспетчерской, стены которой были сделаны из прозрачного

материала. Отсюда виден был каждый уголок цеха. В этой комнате не разрешалось ни разговаривать, ни даже здороваться. Инженеры сменялись здесь через каждые два часа. От их работы зависела вся жизнь города, и потому должность инженера ядерной энергостанции считалась очень ответственной.

Михаил Григорьевич Ступин по винтовой лестнице поднялся в диспетчерскую и подошел к инженеру, которого он должен был сменить. Тот не обернулся, не сказал ни слова. Все его внимание было приковано к щиту с десятком разноцветных лампочек, которые то гасли, то зажигались вновь, а также с множеством рубильников, рычагов и кнопок.

Михаил Григорьевич стал рядом со своим напарником и начал внимательно следить за показаниями приборов. Через пять минут, полностью сосредоточившись на работе щита управления, он легонько подтолкнул товарища локтем. Тот неслышно отошел в сторону, посмотрел еще раз на щит и спустился вниз. Рабочий день был для него закончен.

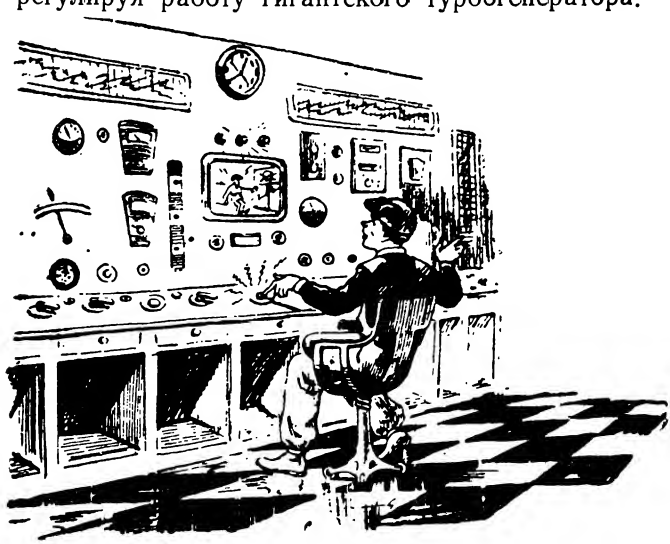
Петька тем временем успел выскочить из машины и спрятаться в находившейся поблизости беседке, предназначенной для отдыха рабочих энергостанции. Заметив, что из дверей, куда вошел приехавший с ним вместе человек, вышел другой человек и направляется в сторону беседки, Петька мигом выбежал оттуда и нырнул в густой, окружавший беседку кустарник.

Человек сел на скамейку, вынул портсигар и закурил. Отдохнув несколько минут, он сел в электромобиль, на котором приехал Петька, и дал гудок. Снова, как по мановению руки волшебника, раскрылись ворота энергостанции, и машина умчалась по сверкающему шоссе. Ворота медленно сомкнулись за ней.

Петька, пугливо озираясь, вышел из засады. Никого вокруг не было. Мелькнула мысль: бежать. Легко сказать! Ведь отсюда до города, по крайней мере, двадцать километров. «Это, наверно, военный завод,— думал Петька.— Может быть, тут даже снаряды для

«катюш» делают. Вот бы посмотреть! Э, будь, что будет»,— и он пошел напрямик по устилавшей землю, словно ковром, яркозеленой траве к видневшемуся вдали одному из корпусов энергостанции. На пути ему попадались таблички с черными стрелками-указателями, потом он увидел щит, на котором было написано: «Впереди зона радиоактивности. Проход только в комбинезонах с индикаторами». Петька почти по слогам прочел предупреждение, но значения ему не придал и продолжал идти вперед. Внезапно он почувствовал странную тяжесть во всем теле, словно рубашка и штаны сделались на нем стальными. Предметы в глазах начали двоиться. Петька хотел закричать, но с ужасом почувствовал, что не может раскрыть рта...

...Михаил Григорьевич между тем не отрывал глаз от щита управления, хотя турбогенераторы работали безотказно. Для него не существовало сейчас ничего на свете, кроме этих всевозможных рычагов, выключателей и электрических лампочек, поминутно вспыхивающих, гаснущих и зажигающихся вновь. Проворные тонкие пальцы инженера легко скользили по щиту, регулируя работу гигантского турбогенератора.



И вдруг Михаил Григорьевич вздрогнул. Он увидел, как вспыхнула целая линия яркокрасных лампочек в правой части щита. Это означало, что в зону радиоактивности попал человек. Потребовалась какая-то доля секунды, чтобы рука инженера легла на рычаг с надписью «Зона-6», а в дежурном отделении энергостанции на сигнальном щите вспыхнуло: «Человек в шестой зоне». Петька еще не успел упасть, как его подхватили на руки двое одетых в специальные комбинезоны людей, в нагрудных карманах которых красным светом горели индикаторы.

Когда окончилась смена и Михаил Григорьевич сдал дежурство другому инженеру, он торопливо пошел в дежурное отделение, чтобы узнать, кто нарушил зону радиоактивности. Петька находился там в это время в обществе работников станции, спасших мальчугана от гибели. После внимательных расспросов они, к своему величайшему удивлению, обнаружили, что этот забавный парнишка не только не знает, что такое распад атомного ядра, но не имеет и самых элементарных познаний в области физики. Им захотелось немного подшутить над ним.

— Видишь вон тот шарик?— спросил Петьку один из них. Петька посмотрел на маленький, похожий на биллиардный, блестящий шарик, лежавший на толстой металлической, гладко отшлифованной плите.

— Вижу.

— А ну-ка двинь его с места. Сможешь?

Петька засмеялся.

— Щелчком?

— Ну что ж, если ты такой сильный, сдвинь щелчком.

Петька уверенно подошел к плите и легонько щелкнул по шарику. Сильнее стукнуть он побоялся — как бы шарик не залетел куда-нибудь далеко. Но шарик остался в полной неподвижности. Петька был поражен. Он стукнул сильнее. Результат был тот же. И сколько Петька ни толкал шарик, тот не поддавался его усилиям.

— Он, наверно, привинчен,— обиженно сказал Петька, потирая застывшую руку.

— Нет, просто он очень тяжелый,— ответил дежурный.— Шарик этот весит около двух тонн.

Петька не поверил, решил, что над ним смеются. И дежурному пришлось разъяснить ему, что это еще сравнительно небольшой вес металла особой плотности, получаемого опытным путем. А вот если бы этот шарик был сделан из ядерного вещества атома, то он весил бы около двадцати миллионов тонн, то есть примерно столько же, сколько весят две тысячи крейсеров.

Петька не верил своим ушам. Узнал он и многое другое. Оказывается, электрическая лампочка горит потому, что по ее нити пробегают тоже частички атомов. Только уже не ядра, а электроны. И в каждую секунду через нить всего лишь двадцативаттной лампочки во время ее горения проходит миллиард миллиардов электронов. А весят они все вместе только одну миллиардную долю грамма.

— А кто же их взвешивал?— спросил Петька с некоторой иронией в голосе.

— Взвесить их невозможно, а вычислить вес легко. Нужно только знать вес одного электрона. А это известно с давних пор, как известен и вес атомов. Вот смотри, сколько весит атом урана.

Дежурный взял листик бумаги и написал следующую цифру: 0,00000000000000000000392 грамма.

Петька посмотрел на этот длинный ряд нулей и только вздохнул:

— Ух, здорово!

В это время открылась дверь, и вошедший Михаил Григорьевич строго спросил:

— Кто же это попал в шестую зону?

— Вот он — нарушитель нашего спокойствия,— показал дежурный на Петьку.— Просвещаем его по вопросам атомной энергии.

— Как же ты попал сюда, мальчик? — обратился Михаил Григорьевич к Петьке. — Ведь каждый ребенок знает, что на территорию ядерной энергостанции вход строго-настрого воспрещен.

Испуганный строгостью лица и голоса Михаила Григорьевича, Петька, заикаясь, едва выговорил:

— М-ме-ня п-п-привезли.

— Кто привез?

— В-вы.

—Я?— удивился Михаил Григорьевич.— Ты что-то путаешь, мальчик. Я приехал один.

Петька соврал, что он спал в электромобиле и проснулся только на территории энергостанции.

— Нужно, видно, садясь в машину, заглядывать и на заднее сидение,—усмехнулся инженер.—Ну что ж, поедем назад. Только мы сначала в оранжереи заедем — мне нужно там с агрономом поговорить, а потом уж я тебя отвезу, куда нужно.

Они сели в машину.

Петька сидел ни жив, ни мертв. Последние слова Ступина «отвезу, куда нужно» он понял не иначе, как в «милицию».

«Вот так влип!— думал он, выглядывая из машины.— Не выпрыгнуть ли на ходу?» Но это было невозможно. Скорость электромобиля превышала шестьдесят километров в час.

Машина остановилась около одной из оранжерей. Михаил Григорьевич вышел из электромобиля и весело сказал:

— Вылезай, пассажир.

Петька послушно выбрался из машины и пошел вслед за Ступиным.

Войдя в оранжерею, Петька с жадностью втянул в себя воздух, насыщенный сладким ароматом созревших плодов.

— Лакомься пока. Я скоро вернусь,— бросил Ступин и направился в конец оранжереи, где в такой же, как на ядерной энергостанции, комнате со щитом управления сидел человек.

Глянув вокруг, Петька в первую минуту даже растерялся. Чего тут только не было! Прямо перед ним раскинулись грядки созревшей клубники. Справа тянулись кусты красной и черной смородины. Слева —

малинник. Прежде всего, Петька набросился на клубнику. Ягоды были яркокрасные, огромной величины. И какие они были сладкие!

За ягодником раскинулся яблоневый сад. Наевшись клубники, Петька подошел к яблоне. Яблоки уже созрели (это в мае-то!), и ветки, отяжеленные плодами, пригнулись к земле. Петька сорвал яблоко. От него исходил душистый медовый запах.

«Как в сказке!»— подумал Петька и принялся есть яблоко.

А у Ступина в это время происходил разговор с агрономом-диспетчером оранжереи.

— Что же получается?— говорил Михаил Григорьевич.— На станции скопился большой запас радиоактивных изотопов азота, фосфора и углерода. Если они вам не нужны — надо было предупредить нас вчера, как вы всегда это делаете. Мы бы временно прекратили радиоактивизацию этих элементов...

— Упущение, товарищ Ступин! Впредь это не повторится...

— И еще, чуть не забыл — потребление тепла у вас идет неравномерно. Лишнее выпускайте на поля, а со станции берите максимальное количество. Здесь, на месте, легче регулировать, чем на энергостанции.

— Учтем, товарищ Ступин.

— Вы не обижайтесь, я по-товарищески. Общее ведь дело.

— Ну что вы! Я очень вам благодарен, — отвечал агроном.— Лучше во-время ошибки исправлять.

Ступин пожал агроному руку, потом спросил:

— Кто сегодня урожай снимает?

Агроном заглянул в график и сказал:

— Студенты медицинского и атомного институтов. Я им уже сообщил.

В это время к оранжерее подъехало несколько грузовых электромобилей. Тишину оранжереи нарушили веселые голоса студентов. Быстро и организованно они приступили к уборке.

— Яблоки снимать все-таки легче, чем анатомированием заниматься,— громко сказал юноша, стоявший

на лестнице и осторожно срывавший налитые спелым соком яблоки.

Кругом засмеялись.

— Не забывайте,— шутливо подражая тону ученого, произнес один из студентов-«атомников»,— что если расщепить ядра атомов, из которых состоит вот это яблоко,—можно получить столько тепла, что его хватит на обогрев всей нашей оранжереи в течение целого месяца.

— Ох, уж эти мне «атомники!»— притворно сокрушенным голосом воскликнула девушка-«медичка».— Скоро они начнут, кажется, расщеплять ядра атомов, из которых состоят их учебники.

От смеха студентов, казалось, задрожали стеклянные стены и потолок оранжереи. Даже Ступин, разыскивавший Петьку, услышав это, расхохотался густым раскатистым басом.

Найти Петьку ему так и не удалось.

«Убежал, видно»,— решил Ступин и поехал домой.

А Петька между тем был захвачен веселым коллективным трудом. Вместе со студентами он собирал ягоды и складывал их в большие плетеные корзины. Никто не спрашивал его — кто он, откуда и как сюда попал. Петьке было очень интересно и весело.

Когда машины, груженные фруктами и ягодами, начали отъезжать от оранжереи, Петька услышал, как один из студентов, видимо старший среди них, говорил водителю:

— Эту машину отвезите в Сад Пионеров. Там еще вчера фрукты кончились.

Петька тут же подбежал к шоферу и смущенно спросил:

— Вы в Сад Пионеров?

— Да,— ответил тот.

— Подвезите меня,— попросил Петька.

— Садись, пожалуйста.

Петька моментально вскочил в кабину, и грузовик отъехал от оранжереи.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Когда машина въехала в сад и остановилась, Петька выпрыгнул из кабины и пошел по дорожке, усыпанной песком. Из глубины сада доносились до него веселые возгласы и радостный ребячий смех.

Каких только увеселений не было в Саду Пионеров! Неподалеку несколько мальчиков и девочек, цепко держась за крепкие канаты, кружились вокруг высокого столба, с разгона отрываясь от земли и смешно болтая ногами в воздухе. В легкой спортивной форме играли ребята на теннисной и волейбольной площадках. Где-то вдали пронесся по детской железной дороге маленький электропоезд. С небольшого аэродрома взвивались вверх геликоптеры[1] и электролеты[2]. По тропинке, среди кустов жасмина, гонялась за бабочкой девочка, стараясь поймать ее в марлевый сачок на длинной палочке. Но веселее всего, кажется, было ребятам, катавшимся на высоких качелях в виде лодочек. Петька подошел поближе. С любопытством и завистью смотрел он на высоко раскачивающихся и весело хохочущих ребятишек.

«Были бы здесь Борька и Павлик — вот бы покатались! — думал Петька.— А то тут все чужие. Поговорить и то не с кем».

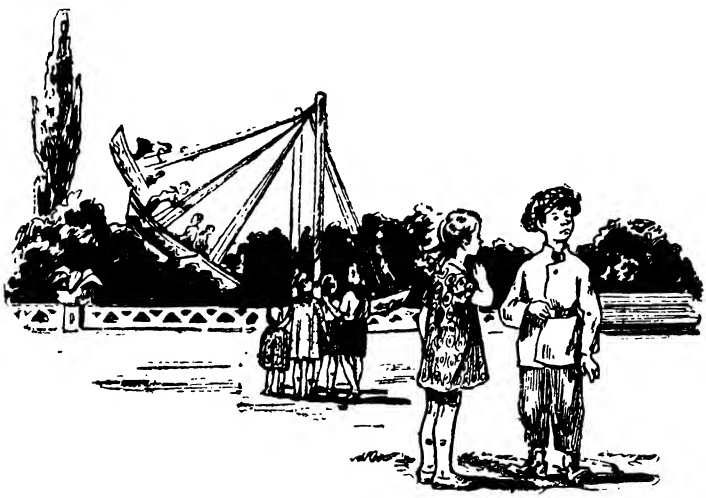
— Мальчик, хочешь покататься?— вдруг раздался сзади него тонкий голосок. Петька обернулся. Перед ним стояла румяная, круглолицая девочка лет одиннадцати, в платьице с разбежавшимися по нему васильками. Ростом она была немного ниже Петьки. Каштановые косички с вплетенными в них голубыми лентами задорно торчали в разные стороны. Девочка смотрела на Петьку, как на старого знакомого, без всякого любопытства в больших карих глазах и ждала ответа. Первой мыслью Петьки было—дернуть девочку за косичку и грубо сказать ей: «Я с девчонками не знаюсь». Но потому ли, что девочка была совершенно

---

[1] Геликоптер — летающий аппарат, поднимающийся в воздух вертикально вверх.

[2] Электролет — т. е. летающая машина, приводимая в движение электрическим двигателем.

незнакомая, или по какой-то другой причине, у Петьки не повернулся язык сказать ей грубость, и он только небрежно ответил:



— Что-то не хочется,— хотя самому очень хотелось покататься на таких красивых и удобных качелях.

Но девочку, видно, заинтересовал грустный, скучающий вид Петьки, потому что она вдруг по-дружески предложила ему:

— Тогда давай просто посидим.

Незнакомка бесцеремонно взяла Петьку за руку, чего он не позволил бы раньше ни одной девчонке, и повела к стоящей под густой зеленью какого-то неизвестного Петьке дерева скамейке.

— Здесь, в тени, прохладнее. Правда?

— Правда,— смущенно буркнул Петька и боязливо оглянулся по сторонам: не видит ли его кто из ребят, а то задразнят, пожалуй, что он с девчонкой рядом сидит. Но его опасения были напрасны. Никто не обращал на них никакого внимания. В саду многие мальчики гуляли и играли вместе с девочками.

— Как зовут тебя? — спросила девочка.

— Петька.

— Не Петька, а Петя,— поправила девочка.

— Ну, Петя,— согласился он.

— А меня зовут Люсей. Я бабушку жду. Она после работы всегда заезжает за мной, и мы вместе едем домой.

— Твоя бабушка сама управляет электромобилем? — удивился Петька.

— Конечно, сама. Она врачом работает. По нервным болезням. Кравцова ее фамилия. Не слыхал?

— Нет. У нас вот в классе есть Кравцова Любка. День и ночь зубрежкой занимается. Подлиза такая...

— Вот интересно! Мою бабушку тоже зовут Любовь. А что это такое «зубежка» и «подлиза»?

— Не «зубежка», а зубрежка,— поправил Петька и объяснил:— Зубрежка — это когда каждый день уроки учат. Таких ребят зубрилами называют. Неужели не знаешь?.. А «подлиза», — Петька на секунду задумался и определил,— все зубрилы обязательно бывают подлизами. Если учитель что-нибудь спросит, то подлиза всегда старается первым ответить.

— Так это же хорошо.

— Это вам, девчонкам, хорошо, потому что вы все подлизы.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Люся.—Вот завтра ребята смеяться будут!—Я приду и скажу им: «Вы все подлизы». А они и не знают, что это такое.

— Нет, все не могут быть подлизами.

— Почему же?— удивилась Люся.— Ведь у нас в классе все ученики каждый день учат уроки.

Петька, конечно, не поверил Люсе, но спорить не хотелось. Помолчали. Петька отвернулся от Люси и стал смотреть в сторону площадки, где несколько мальчиков и девочек играли в настольный теннис.

Явно желая продолжить разговор с этим странным мальчиком, Люся заговорила первая:

— Когда я вырасту, я стану врачом. Как бабушка. Хорошо лечить людей! Мою бабушку весь город знает. Она и операции делать умеет. А ты кем будешь, когда вырастешь?

Петька нехотя и с досадой ответил:

— Мама говорит, что я буду дворником, а Федор Степанович сказал, что трубочистом.

— А что такое — дворник и трубочист? Кто это — Федор Степанович? — засыпала Петьку вопросами Люся.

Петька недовольно взглянул на нее и пожал плечами:

— Как можно трубочиста и дворника не знать! У нас их каждый трехлетний мальчишка знает. Когда я был совсем маленький, мама часто пугала меня, если я ее не слушался: «Вот придет трубочист и заберет тебя в мешок».

Петька хотел было уже рассказать и о Федоре Степановиче, о его замечательном изобретении, благодаря которому он, Петька, сидит сейчас вот на этой скамеечке, но тут же решил, что, пожалуй, не стоит, так как если он будет молчать, то скорее отвяжется от этой навязчивой девчонки. Но девочка была, повидимому, очень любознательна.

— Ты так толком и не сказал мне, что такое трубочист и дворник. Может, твои знакомые мальчики и знают, а я — нет,— настаивала Люся.

— Дворник ходит с метлой по улицам и подметает мусор. А когда жарко — из резиновой кишки водой поливает...— нехотя начал объяснять Петька.

— Что поливает? Мусор? — не поняла Люся.

— Вот бестолковая,— рассердился Петя.— Для чего же ему мусор поливать! Он улицы поливает, чтобы пыли не было.

— Вот интересно! Это мне бабушка рассказывала, что когда она еще была маленькой, такой, как я, даже еще меньше, то улицы тогда люди подметали. Да ты, наверно, просто посмеяться надо мной хочешь. Вычитал из какой-то старой книжки про дворника да про трубочиста — и радуешься, что я сижу и слушаю разные глупости. Люся обиженно надула пухлые губы и насупила брови.

А Петьке только того и надо было. Он быстро сказал:

— Раз обижаешься, то до свидания! — и, не ожидая ответа и не оглядываясь, пошел вглубь сада.

Люся удивленно посмотрела ему вслед и, пожав плечами, негромко сказала:

— И нисколько я не обижаюсь.— Но Петька был уже далеко.

Люсе стало досадно, и лицо ее снова нахмурилось, но не надолго. Спустя минуту, она, напевая, вприпрыжку помчалась к качелям.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Петька остановился около зеленой беседки, из которой доносился громкий мальчишеский голос. Мальчик, видимо, читал вслух книгу. Петька хотел было уже пройти мимо, потому что он не очень-то уважал чтение, как вдруг услыхал знакомые ему имена, произносимые читающим книгу мальчиком. Петька подошел ближе и прислушался:

«Петька стоял у доски, а глаза его были устремлены на Митю Щеглова. Тот шевелил губами, стараясь подсказать Петьке ход решения задачи, но Петька ничего не мог разобрать. Против его фамилии в классном журнале появилась еще одна двойка.

В перемену Петька твердо решил отомстить Ольге Ивановне...»

«Это что-то на меня похоже»,— подумал Петька. Он осторожно раздвинул крупные узорные листья винограда, обвивавшего беседку, и заглянул внутрь, В беседке за небольшим круглым столиком сидели шесть мальчиков. Один из них, худощавый и смуглый, читал вслух потрепанную книжку. Остальные, облокотившись на стол, внимательно слушали.

Дальше в книжке рассказывалось о том, как он, Петька, налил чернила в тряпку, как Ольга Ивановна испачкала себе руки и как Генька Егоров сказал, что это сделал Петя Озорников.

Когда читавший дошел до строчки — «Петька подскочил к «профессору» и под шумок ударил его кула-

ком в бок...», сидевший слева высокий мальчуган с черными, как смоль, волосами воскликнул:

— Ну, и драчун! Нарочно, когда зазвенел звонок, ударил! Вот если бы он по-честному, по-боксерски на ринге себя показал — другое дело было бы.

Высокого мальчугана перебил самый старший по виду из слушателей. У него были серые глаза, широкие темные брови и очень серьезное, даже взрослое выражение лица.

— Да, наверно, — сказал он, — Озорников и боксировать-то не умел. Вот он и старался под шумок удары наносить. Трус — и больше ничего! Я бы такому Петьке, пожалуй, за два раунда нокаут устроил.

— Интересно бы узнать, где он сейчас, — мечтательно сказал мальчик, который читал книгу.

— Лежит, наверное, где-нибудь и жиреет от безделья, — тонким голоском сказал самый младший из ребят. Ему было не более десяти лет.

— А что он еще может делать!— подтвердил сидящий рядом с ним белокурый парнишка. — Он и учился плохо и матери не помогал. Ясно, что он и сейчас нигде не работает. Живет на иждивении народа. Стыд какой! Обломов, так тот ведь, помещиком был, а этот — как-никак, советский человек, — заключил он.

Если бы только знали эти шестеро ребят, что тот, кого они так строго осуждали, стоит здесь, в полутора метрах от них, они, вероятно, подошли бы к нему и стали рассматривать, как величайшую музейную редкость.

Долго и горячо обсуждали прочитанное мальчики, а Петька все стоял, прислонившись плечом к деревянной стене беседки. Но он не слышал уже их голосов, потому что весь был поглощен своими мыслями.

«Обломов... Трус... Иждивенец... — теснилось в петькиной голове. — Но кто же написал эту книгу? И неужели я действительно такой уж плохой? Значит, правильно ругала меня мама? И пионервожатая Лида тоже права?»

Нет, Петька не мог больше оставаться в саду! Хорошо веселиться этим ребятам, а каково ему, Петьке

Озорникову, ученику четвертого класса восемнадцатой школы?!

Понурой походкой вышел Петька из сада. Он не услышал даже, как окликнула его Люся, когда он проходил мимо качелей. Присев на мраморную скамеечку у входа в сад, он снова глубоко задумался. Ему вспомнилось, что завтра должен состояться сбор пионерского отряда, а потом педагогический совет. А вдруг Павлик Соловьев сказал правду — и его, Петьку, действительно исключат из школы? Что тогда?

— Нет, не вернусь назад, останусь здесь, — вслух сказал Петька так громко, что проходившая мимо женщина чуть вздрогнула и потом несколько раз оглядывалась на него.

«Мама поплачет и перестанет, — думал Петька.— Федор Степанович скажет ей, что мне здесь очень хорошо. Он ведь знает. Геннадий Петрович отдаст меня в школу... Теперь уж я буду хорошо учиться, и никто, кроме Геннадия Петровича, не будет знать, что я приехал из далекого прошлого. А Геннадия Петровича я попрошу, чтобы он никому об этом не рассказывал». Петька поднялся и сунул руку в карман, чтобы достать листок с адресом Геннадия Петровича. Но листка в кармане не было. Он исчез. Петька, видимо, потерял его, когда бежал после неудачной езды на лесенке атомбуса.

СЛУЧАЙ НА СТАДИОНЕ

Петька совсем уж было приуныл. И как было не приуныть: он остался теперь один-одинешенек в родном и в то же время совершенно незнакомом ему городе. Мелькнула мысль вернуться в сад и разыскать Люсю. Может быть, ее мама что-нибудь ему посоветует.

И вдруг Петька услыхал веселую песню. Ее пела группа направляющихся в сад ребят. Запевала звонким чистым голосом выводил:

Мяч в воротах — не беда!
Мы готовы в бой всегда.
Дружным строем нападем
И за гол — два забьем.

Остальные дружно подхватывали припев:

Левый край, не зевай!
Левый край, нападай!
Не пугайся мяча
И не бей сгоряча!
Левый край, лучше мяч подавай!

Песня очень понравилась Петьке. Ведь он, как-никак, тоже был футболистом. Позже Петька узнал, что эту песню сочинили сами ребята. Так уж у них положено — у каждой команды своя песня.

Когда футболисты, петькины сверстники, поравнялись с ним, один из них обратился к Петьке:

— В футбол играешь?

Застигнутый врасплох, Петька ответил:

— Играю.

— У нас защита заболела, а сегодня матч с восемнадцатой школой. Сможешь подменить?

Вместо ответа Петька, вытаращив глаза, переспросил:

— С восемнадцатой?

— Ну да! Думаешь, они нам набьют? Не бойся! У нас команда, знаешь, какая? — и чтобы понятнее выразить, каковы дружба и сплоченность их команды, паренек крепко сжал свой кулак и показал Петьке:— Во! Согласен?

— Да.

— Вот и хорошо! Давай познакомимся. Саша, капитан команды.

— Петя.

Они пожали друг другу руки и побежали догонять остальных футболистов. Все ребята искренне обрадовались Петьке. Защитник заболел у них неожиданно, в самый последний момент, и они решили было играть без него. Теперь же команда была в полном боевом составе.

Стадион находился в Саду Пионеров. Это был самый настоящий стадион — с футбольным полем, беговой дорожкой, баскетбольной и волейбольной площадками и даже с трибунами, на которых в ожидании предстоящего матча шумно волновались болельщики

восемнадцатой и седьмой школ. Пришли сюда и ребята из многих других школ города.

Вместе со своими новыми друзьями Петька вошел в раздевалку. Там на полках аккуратно были разложены майки, трусы и бутцы. Быстро переоделись. Вышли на поле. Раздался свисток судьи, и матч начался.

Петька впервые испытал счастье играть на настоящем футбольном поле, покрытом ровной зеленой травкой, и при таком огромном количестве зрителей. Важно выпятив грудь вперед, он гордо прохаживался по полю. То и дело оглядываясь на болельщиков, он совсем забыл об игре. И тут неожиданно мяч оказался у его ног. Растерявшись, Петька послал мяч противнику. Трибуны зашумели. Противник — мальчуган из восемнадцатой школы, — использовав петькину ошибку, сильным ударом направил мяч в ворота. Все замерли. Неужели гол?! Дело спасла отличная игра вратаря петькиной команды. На трибунах зааплодировали.

— «Левый край, лучше мяч подавай!» — пропел пробежавший мимо Петьки один из игроков.

Теперь Петьке уже некогда было оглядываться по сторонам. Куда девался весь его напыщенный вид! Как стыдно, ведь его ошибку видели тысячи глаз болельщиков! И он со всей страстью включился в игру. Через пятнадцать минут в сетке ворот восемнадцатой школы трепыхался первый забитый мяч.

— Ничего. Неплохо играешь, — похвалил Петьку в перерыве между таймами Саша.

Но во втором тайме произошло нечто непонятное, не уместившееся в петькином сознании. Это случилось на тридцать второй минуте игры, после того, как команда под руководством Саши забила противнику три гола, не пропустив в свои ворота ни одного мяча. Произошло вот что. Стоявшему на защите Петьке никак не удавалось отобрать мяч у наступавшего на него противника. Еще секунда — и тот прорвется к воротам. Петька решил применить испытанный прием. Незаметно для других, он чуть подался назад и ловко подставил противнику ножку, отчего тот растянулся на траве, а Петька передал мяч Саше. Ни судья, ни

болельщики не заметили подвоха. Но тут-то и случилось то, чего никак не мог ожидать Петька. Саша принял от Петьки мяч, но, вместо того, чтобы послать его в ворота противника, наступил на него ногой и подозвал судью:

— Мой защитник сделал подножку, — сказал он судье.

Судья не замедлил назначить штрафной удар. Петька ошалело взглянул на Сашу. Капитан с упреком покачал головой. В этот момент мяч от штрафного удара попал под ноги Петьке. Не пришедший еще в себя от совершившегося, плохо соображая, что он делает, Петька послал мяч в ворота своей команды. Не ожидавший этого вратарь пропустил мяч.

Это был единственный гол, забитый в ворота их команды.

Петька уходил с поля, низко опустив голову. Он ожидал, что с трибун вот-вот начнут свистеть ему, выкрикивать «сапожник», «на мыло» и тому подобные оскорбительные словечки, какие он сам выкрикивал обычно по адресу игроков, забивавших мячи в свои ворота. Но ничего этого не последовало. Болельщики громко приветствовали их команду. Все ребята были довольны исходом матча и даже успокаивали нахохлившегося Петьку.

— Ничего, это со всяким в азарте может случиться.

— Я вот тоже в свои ворота мяч забил, когда с десятой школой играли, — сказал паренек, игравший правым полусредним.

— То, что сам гол себе забил, — это ничего. А вот как ты додумался подножку сделать? — спросил Петьку Саша во время переодевания.— Я ведь видел, что это ты нарочно.

Петька недоумевал. Сколько раз, бывало, он умелой подножкой выручал свою команду, за что его только хвалили. Но вот если бы он забил мяч в собственные ворота — о, этого бы ему простить не могли! А здесь — наоборот получается.

— Не понимаю, — вслух сказал Петька.

— Чего не понимаешь? — спросил Саша.

Петька объяснил.

— И я тоже не понимаю, — сказал Саша. — Кто тебя учил так играть? Ведь нечестно выигранный матч — это не победа, а позор.

Петька усмехнулся:

— Подумаешь, позор! Позорно матч проиграть и позорно тому, кто своих игроков выдает, — пустил он шпильку в адрес капитана команды.

Между ними готов был вспыхнуть спор, но в это время в раздевалку вошел судья и стал заполнять анкеты игроков. Требовались обычные данные: имя, фамилия, год рождения, номер школы. Один за другим, ребята громко называли свои имена и отвечали на другие вопросы. Дошла очередь и до Петьки.

— Озорников Петя,— сказал он,— тысяча девятьсот тридцать седьмого года рождения.

Вся раздевалка всколыхнулась от звонкого смеха футболистов. Судья посадил на анкету кляксу, а Петька удивленно огляделся, не понимая, почему все смеются. Он совсем забыл, что находится среди ребят, родившихся намного позже его. Когда смех утих, судья переспросил:

— Так какого же ты года рождения?

Петька повторил. Футболисты снова расхохотались. Саша подошел к судье:

— Запишите. — Саша назвал свой год рождения. — Он сейчас очень расстроен и сам не знает, что говорит.

САША «ЛЕЧИТ» ПЕТЬКУ

Не в характере Саши было отвернуться от товарища в трудную для того минуту. Он искренне думал, что Петька, сильно расстроившись из-за случая на футбольном поле, заболел и начал заговариваться, и полагал, что «больному» в подобном случае лучше всего рассеяться, развлечься.

— Что ты сейчас собираешься делать? — обратился Саша к Петьке, когда они вышли со стадиона.

— Не знаю, — хмуро ответил Петька.

Саша предложил свой план.

— Тогда давай вот что: сначала пообедаем, потом пойдем в парк культуры и отдыха. Там в питомнике деревья есть, которые прямо на глазах растут. Ты не видел еще? Затем съездим на завод к папе — он как раз в это время на смену заступает. Потом пойдем готовить уроки. Кстати, ты в каком классе учишься?

— В четвертом.

— И я в четвертом. Значит, уроки вместе делать будем. Согласен?

— Согласен, — нехотя ответил Петька, а сам подумал: «Ох, и зубрилка, видать, этот Саша».

— Так, — продолжал Саша. — Позанимаемся и пойдем в кино. Ну а потом... разойдемся по домам. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Петька, хотя последнее предложение показалось ему просто смешным. Далековато ему домой ехать. «Ну, да там видно будет», — решил он.

Пообедали они тут же, в Саду Пионеров, за столиками, раскинутыми в сосновом бору. Смолистый запах хвои еще более возбуждал аппетит. В разговорчивой и жизнерадостной компании обедающих ребят Петька быстро развеселился.

На третье подали клубнику, ту самую, которую Петька помогал студентам собирать в оранжерее. Он, конечно, не преминул похвастаться этим перед Сашей и другими ребятами, сидевшими за их столиком. Однако, к петькиному огорчению, никто из них не высказал ни удивления, ни восхищения по этому поводу. Сбор малины и клубники в мае был для них самым обыденным делом.

— А вот Борька и Павлик никогда не поверили бы, что клубника в мае поспевать может, — ни с того, ни с сего вдруг сказал Петька, отправляя в рот сочную ягоду.

— Кто же они такие — эти «неверующие»? — с иронией спросил один из ребят.

— Товарищи мои, — не замечая иронии, ответил Петька. — Да что Борька и Павлик! — весь класс не поверил бы.

Саша пристально посмотрел на Петьку и выразительно покачал ему головой, насупив при этом брови: «помолчи, мол, засмеют». Он никак не мог понять — то ли Петька просто любит врать и хвастать, то ли действительно у него с головой что-нибудь не в порядке. И когда Петька начал рассказывать о том, как во время войны его мама получала по карточке пятьсот граммов хлеба в день, Саша бесцеремонно взял его за руку и вывел из-за стола.

— И зачем ты так бессовестно врешь? Неужели думаешь, что кто-нибудь тебе поверит? — выговаривал он Петьке по дороге к электромобильной станции.

Петька обиделся:

— Я ни капельки даже не соврал.

— И о том, что во время Великой Отечественной войны жил, тоже не соврал? — усмехнулся Саша.

— Конечно, не соврал.

Саша решил, что Петька, видно, по-настоящему болен, и махнул рукой:

— Нет, я тут ничего не в силах сделать. Тебе, Петя, к доктору бы нужно сходить. Хочешь, вместе поедем?

— Зачем к доктору? — удивился Петька.

— Я думал, что ты заговариваешься потому, что расстроился после игры, а у тебя дело посерьезнее. Голова не в полном порядке.

— У самого у тебя голова не в порядке, — огрызнулся Петька.

— Да ты не обижайся. Я ведь по-дружески. Это со всяким может случиться. У нас в доме вот учитель живет. Владимиром Игнатьевичем зовут. Хороший он. Все ребята его любят. Ну, и заболел, вроде тебя. Начал всякую чепуху говорить. Отвезли его в больницу — он через неделю совершенно здоровым вышел.

— Ну и что?

— Вот и ты шел бы в больницу. Через день-два поправишься, и мы бы с тобой дружить стали.

Петька никак не мог понять, почему Саша так настоятельно советует ему идти в больницу. Он же совершенно здоров. И лишь тогда, когда Саша сказал: «Ведь так врать может только больной человек», Петька догадался, в чем дело, и громко рассмеялся.

И он рассказал Саше, кто он, Петька, и откуда, рассказал о Федоре Степановиче и о «кабине будущего». Петька рассказывал обо всем так искренно, что Саша не мог ему не поверить.

— Вот это здорово! — воскликнул Саша, когда Петька закончил свое повествование.— Так ты, значит, действительно в тысяча девятьсот тридцать седьмом году родился?

— Конечно.

— А где же «кабина будущего» сейчас находится?

— На улице Пушкина. Под деревом.

— А ты мне дашь на ней прокатиться?

Петька почесал затылок.

— Как бы Федор Степанович меня за это не ругал!

— Да я не надолго, — упрашивал Саша. — Посмотрю, как у вас там живут, — и назад.

— Так и быть, поезжай, — согласился Петька, — только завтра, а сегодня здесь побудем. Идет?

— Идет!

НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Теперь Петька чувствовал себя героем. Он отвечал на десятки вопросов, которые задавал ему Саша, и довольно улыбался, когда тот восклицал: «Не может быть!», «Ух, как интересно!», «Просто не верится!» и тому подобное.

Но когда они подошли к электромобильной станции и Саша, забывшись, спросил: «Ты управлять будешь или я?», геройство с Петьки как рукой сняло. Несмотря на одинаковый возраст, разница в их знаниях была огромная.

Саша, как заправский шофер, сел за руль, включил скорость и ловко вывел маленький, двухместный электромобиль на проспект. Петька с завистью поглядывал, как Саша то прибавляет, то убавляет скорость, уверенно сворачивая с одной улицы на другую и сохраняя при этом полнейшее спокойствие.

— Где ты научился водить машину? — решился спросить его Петька.

— В школе. Когда еще в третьем классе учился. У нас специальный урок по управлению электромобилями и вертолетами был.

— А я на вертолете еще ни разу не катался, — вздохнул Петька.

— Покатаешься. Мы сегодня кинофильм с вертолета смотреть будем,— сказал Саша.— Хочешь?

— Кинофильм с вертолета? — удивился Петька.

— Да.

Петька хотел было поподробнее узнать, как это смотрят кинокартины с вертолета, но как раз в этот момент Саша сказал:

— Приехали!

Он остановил машину на площадке около входа в парк культуры и отдыха, опустил табличку и вышел из электромобиля.

Прежде всего Саша повел Петьку купаться. Вода в искусственном озере, окруженном высокими развесистыми деревьями, была необычайно прозрачна. Сквозь нее даже на двухметровую глубину можно было ясно видеть переливающиеся всеми цветами радуги крупные песчинки и камешки на дне озера. Как объяснил Саша, дно было сделано из фосфорного стекла с вкрапленными в него песчинками. Солнечные лучи, отражаясь от стекла, и делали воду такой прозрачной. Здесь хорошо было учиться нырять и плавать. Наблюдающий за пловцом-тренером мог видеть каждое его движение. В свою очередь тренер сразу замечал ошибки своих учеников.

Саша быстро разделся и нырнул в воду. Петька с завистью смотрел, как его вытянутое в струнку тело красиво и быстро двигалось под водой. Саша вынырнул метрах в двадцати от берега. Он мотнул головой, стряхнув бежавшую по лицу ручейками воду, и крикнул Петьке:

— Что ж ты не ныряешь?

К своему стыду Петька вынужден был сознаться, что плавать он кое-как умеет, а вот нырять еще не научился.

Впрочем, винить Петьку в этом было нельзя. Самая ближайшая к их городу река находилась в

тридцати километрах. За городом, правда, имелось небольшое озеро, но нырять в нем было опасно: дно покрывали коряги, колы, к которым рыболовы приспосабливали сети, и огромное количество ила. Недавно озеро начали чистить, но купаться там пока не разрешали.

Услыхав петькин ответ, Саша крикнул:

— Ничего, научишься. Купайся пока, как умеешь.

Петька полез в воду и с удовольствием побарахтался в ней несколько минут.

Купаясь, Петька заметил вдруг гигантских рыбин, движущихся вдалеке. Рыбины то показывались на поверхности, то уходили вглубь, то вдруг выпрыгивали из воды и проносились несколько десятков метров по воздуху.

Когда Петька спросил у Саши, что это за рыбины, тот весело рассмеялся.

— Какие это рыбины! Это катеры-амфибии. У вас разве нет таких?

— Пока нет, — ответил Петька.

— Если хочешь, мы можем покататься на них, — предложил Саша.

Еще бы Петька не хотел!

Они вылезли из воды, обсушились на солнце и побежали по песчаному берегу на противоположную сторону озера.

В школе и в футбольной команде Петька считался неплохим бегуном, но как он ни старался, Саша намного опередил его.

На станции катеров-амфибий они подошли к молодому загорелому парню.

— Покататься захотели?—спросил он и, посмотрев на запыхавшегося Петьку, добавил:— А тебе, мальчик, нельзя сразу так много бегать. Надо каждый день тренироваться на небольших расстояниях — тогда и одышки не будет!

Петька густо покраснел, но ничего не ответил. Тяжело дыша, он восторженно смотрел на катера-амфибии, стоявшие на причале. Своим видом каждая из них напоминала фюзеляж небольшого самолета, только без крыльев и пропеллера.

Молодой парень, оказавшийся механиком-водителем, предложил им выбрать любой катер. Петька полез было в первый попавшийся на глаза, но Саша остановил его:

— Давай лучше поедем вон на том голубом. Он красивее.

Сели в голубой.

— А ты и катером управлять умеешь?— спросил Петька.

— Нет. Амфибией управлять очень трудно. Нам, ребятам, не разрешают,— честно признался Саша.

Механик, надев комбинезон, задвинул над ними стеклянный «потолок» и крепко-накрепко закрутил винты, чтобы вода не просочилась внутрь. Затем, открыв небольшую дверцу, ведущую в моторную часть катера, он сел и повернул рычаг с надписью «Земля». Рассекая зеркальную гладь воды, катер понесся по поверхности озера.

— Пристегните ремни! — приказал через несколько минут механик.

Саше пришлось помочь Петьке, который никак не мог сладить с замысловатой застежкой.

— «А ларчик просто открывался»,— процитировал Саша, в одну секунду застегнувший широкий кожаный ремень, обхвативший петькину грудь.

И тут катер нырнул вниз. Вся внутренность кабины мгновенно окрасилась в бледнозеленый цвет. Если бы не ремни, то Петька по инерции брякнулся бы, вероятно, носом об пол. Он взглянул вверх и увидел стайку рыбок с красными плавниками.

Рывок — и катер взвился в воздух. Через стекло потолка Петька увидел, что у их амфибии появились вдруг маленькие крылья и вертикальный пропеллер. Не уменьшая скорости, они плыли над озером.

— А над городом пролететь в амфибии можно? — спросил Петька у Саши.

— Конечно, можно. Только не стоит. Лучше на вертолете. В нем, как в кресле.

— Ну что, накатались? — обернулся к ним механик.

Петьке хотелось покататься еще, но Саша напом-

нил ему, что им нужно зайти в питомник и успеть на завод, пока не кончилась папина смена.

Катер снова опустился на воду и подрулил к причалу. Ребята поблагодарили механика и распрощались с ним. Петька с сожалением оглянулся на голубую амфибию и вздохнул...

Через несколько минут они были уже на опытной станции питомника, где, как говорил Саша, деревья росли прямо на глазах.

Питомник занимал площадь в несколько гектаров. Он представлял собой как бы громадную зеленую лестницу. Первый ряд деревьев не достигал и метра высоты, за ним насаждения были на полметра выше, затем еще выше — и так до последнего ряда, где высота деревьев равнялась восьми-десяти метрам.

Замедлив шаг, Петька стал внимательно вглядываться в зеленую листву кленов, акаций, тополей. Затем, повернувшись к Саше, он с укором сказал ему:

— Говорил — на глазах растут, а они как стояли, так и стоят.

— Сейчас увидишь,— ответил тот.— Пойдем-ка вон к научному сотруднику. Она покажет.

Ребята подошли к женщине в белом, как у врача, халате. Нагнувшись над одним из саженцев, она самым обыкновенным шприцем делала ему укол.

— Интересуетесь? — спросила у ребят женщина, заметив их любопытные взгляды.

— Правда, что здесь деревья на глазах растут?

Женщина улыбнулась:

— Да, наши саженцы растут так, что если внимательно присмотреться, то рост их заметить можно. Сколько, по-твоему, мальчик, лет вот этому клену?

Петьке пришлось высоко задрать голову, чтобы увидеть вершину дерева. Диаметр ствола был не меньше пятидесяти сантиметров.

— Лет сорок,— неуверенно ответил он.

— Вот видишь, как ты ошибся! Ему всего-навсего около трех лет. Теперь посмотрите на саженец, которому я сейчас влила необходимые для него питательные вещества. Этому саженцу десять дней, а если сравнить его с саженцем, произрастающим в обыкно-

венных условиях, ему можно дать не менее двух лет.

Она взяла специальный метр с движущимся по нему плечиком и, установив его так, что конец плечика лег на верхушку саженца, засекла время.

— Заметьте — сейчас рост саженца 78 сантиметров и четыре и восемь десятых миллиметра.

Ребята не спускали глаз с мельчайших делений измерительного прибора. Вот плечико дрогнуло и чуть подалось вверх. Через минуту оно дрогнуло еще раз. Женщина в белом халате взглянула на часы. За пять минут дерево выросло на миллиметр с четвертью.

— Убедился теперь? — подтолкнул локтем Саша Петьку.

— Да-а,— протянул тот.— Ох, и интересно! Почему же они так быстро растут?

— А вот это я вам сейчас объясню. Вы, вероятно, знаете, что такое радиоактивность. Напомню вам. Само слово «радиоактивность» происходит от латинского слова «радиус». В свое время знаменитый польский химик Мария Кюри-Складовская обнаружила, что металл уран самопроизвольно испускает особые, невидимые человеческим глазом лучи. Способность элементов испускать такие лучи и называется радиоактивностью.

— Причем же здесь саженцы? — не сдержался Петька.

— А вот причем,— продолжала научный сотрудник.— Оказалось, что эти лучи обладают огромной энергией. Небольшие дозы радиоактивного элемента радия, введенные в почву, вызывают усиленный рост растений. Однако радиоактивность присуща очень немногим элементам. Когда же люди научились расщеплять атомное ядро, то появилась возможность искусственно радиоактивизировать и другие элементы: азот, углерод, фосфор и десятки других, получившие название радиоактивных изотопов. Введение этих изотопов в почву и непосредственно в растения ускоряет рост деревьев в несколько раз, а с плодоносящих видов позволяет собирать урожай по четыре-пять раз в год. Понятно?

— Понятно, спасибо за объяснение,— поблагода-

рил сотрудницу питомника Саша и подтолкнул Петьку, который, разинув рот, не сводил глаз с движущегося плечика измерительного прибора.— Пошли, Петя! Пора на завод.

Они вышли на площадку, где стояли электромобили.

Саша подошел к телефонному шкафчику и набрал номер. На телевизионном экране появилась фигура одетого в синий комбинезон человека. Увидев ребят, он приветливо улыбнулся.

— К тебе сейчас можно, папа?

— Пожалуйста.

НЕ СЛЫШНО ШУМА ЗАВОДСКОГО

Саша остановил электромобиль около одного из похожих друг на друга, строгих по архитектуре зданий.

— Где же завод? — спросил Петька.

— А вот это и есть заводские корпуса.

Петька удивился.

— Совсем не похоже.

— Почему не похоже? Это ремонтно-механический завод. Здесь производят и ремонтируют различные станки, механизмы, оборудование, отливают чугунные и стальные детали.

Петька еще больше удивился. Он мысленно сравнил этот завод с механическим заводом в их городе, из окон которого днем и ночью слышатся неумолчный грохот металла, жужжание станков, тяжелые удары пневматических молотов, а из огромной кирпичной дымовой трубы густыми облаками валит черный дым. Он ложится копотью на тротуары, деревья, траву. А здесь...

Они поднялись по широкой гранитной лестнице. По обе ее стороны стояли большие хрустальные вазы. Из них легкими струйками били фонтаны. Саша нажал кнопку около высоких, украшенных резьбой дверей. Двери автоматически раздвинулись, пропустили ребят и сомкнулись вновь.

Ребята вошли в вестибюль, освещенный приятным для глаз светом, не похожим ни на обычный дневной, ни на электрический. Как потом узнал Петька, это светились сами стены, покрытые люминесцирующим составом.

А вот и цех, где работает Сашин отец. В просторном зале в два ряда выстроились станочные линии. Из-за тишины, нарушаемой лишь мягким рокотом электромоторов, Петьке показалось, что станки стоят. Но присмотревшись, он увидел, что завод работает полным ходом. Рабочих во всем цехе, где стояло не меньше сотни станков, находилось человек десять. Все они были одеты в одинаковые темносиние комбинезоны, на которых нельзя было заметить ни единого масляного или другого грязного пятна.

— Вон мой папа,— показал Саша.

— А кем он работает? — поинтересовался Петька.

— Токарем,— ответил Саша с такой гордостью, словно его папа был по крайней мере академиком. — Он закончил институт токарного дела.

— Институт?! — Петька презрительно скривил губы.— На токаря можно и в ремесленном выучиться.

— В каком «ремесленном»?

— В ремесленном училище. Не знаешь разве? Подумаешь, какая важная специальность — токарь!

— Ну, ну,— остановил его Саша.— Не забывай, что ты сейчас не в пятидесятом году живешь. Папа мне рассказывал про прежних токарей. Раньше токарю надо было самому укрепить тяжелую болванку, разметить ее по чертежу, заточить резец... Чуть что не так — брак получается. А сейчас всю работу станок делает. Токарю фактически приходится только наблюдать за работой механизмов.

Действительно, как это Петька раньше не заметил! Ни один рабочий не был «прикован» к станку. А между тем из последнего в линии станка через каждые тридцать секунд на специальный транспортер сходила готовая деталь, густо смазанная солидолом и упакованная в ящик.

— На таких станках и я работать мог бы,— сказал Петька.— Ходи себе да поглядывай!

— А как же ты «поглядывать» будешь, если не знаешь ни устройства, ни назначения станка? Вдруг поломка произойдет — что тогда делать станешь? Маму на помощь звать?

— А разве станки ломаются?

— Редко, но, конечно, случается.

Как раз в этот момент раздался резкий визг, и все станки на автоматической линии мгновенно остановились.

— Вот видишь,— сказал Саша таким тоном, словно в поломке был виноват Петька.

Ребята подбежали к станку, около которого уже возилась группа инженеров. Через три минуты линия снова заработала.

К Саше подошел отец:

— Как дела, сынок? Что в школе?

— Сегодня по арифметике «пять» получил.

— Молодец! А это соученик твой? — спросил сашин папа, подавая Петьке руку.

— Он тоже в четвертом классе учится,— уклончиво ответил Саша.

— А почему здесь так тихо? — спросил Петька.

— Как «тихо»? — не понял токарь.

— Ну, на заводах обыкновенно такой шум и грохот стоят, что даже разговаривать невозможно, а здесь тишина.

— Где ты такие шумные заводы видел?

Ничего не поделаешь, пришлось Петьке рассказать и сашиному отцу о своем путешествии.

— Вот оно что!— воскликнул тот.— Интересно! Нет, милый, теперь таких заводов у нас и в помине нет. Шум, как известно, мешает человеку работать, не дает ему сосредоточиться, вреден для нервной системы, а потому он на современных заводах почти полностью устранен, благодаря многим изобретениям. Раньше части станков делались из чугуна и стали. При соприкосновении между ними возникал неприятный для слуха скрежет. Теперь трущиеся части делаются не из металла, а из особых пластмасс, которые по прочности намного превосходят металл. Это раз. Во-вторых, в каждом станке приспособлены

шумоустраняющие аппараты-глушители. Места, о которые возможен удар деталей, сделаны из резины.

— А все-таки странно,— сказал Петька,— завод и без шума!

— Для тебя странно, а мы «привыкли»! — усмехнулся сашин отец.— Ну идите, ребята, заговорился я с вами. Работа не ждет. Сегодня у нас особо напряженный день. Мы увеличиваем скорость обработки деталей на десять процентов. Видели — поломка была? Значит, недоучли чего-нибудь. Идите, идите, — подтолкнул он Сашу и пошел к своей группе станков.

«СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ ПОТОМКИ...»

— Вот мы и дома! — сказал Саша, когда лифт доставил их на шестой этаж и остановился против двери сашиной квартиры.

— Разве вы не запираете квартиру на замок? — спросил Петька, заметив, что входная дверь была без всякого запора. Дома у Саши между тем никого не было.

— А зачем?— удивился Саша.

— Ну, вдруг...— Петька замялся, — зайдет кто-нибудь.

— И что же?

— И украдет...

— Как украдет?

— Ну, возьмет что-нибудь из квартиры.

— Зачем? — все больше удивлялся Саша.

Петька с трудом объяснил, зачем люди воруют, а Саша, с еще большим трудом поняв его, рассмеялся:

— Этого не может случиться. К чему брать что-то из чужой квартиры, если любую вещь можно взять в магазине и притом новую.

Но Петьку он так и не убедил. Тот остался, как говорят дипломаты, при своем «особом» мнении.

Саша стал показывать Петьке их квартиру. Больше всего Петьку удивил кабинет сашиного отца. Кроме письменного и чертежного столов, книжного шкафа

и телевизора, здесь стояли три мольберта с начатыми эскизами картин.

— Разве твой папа художник? — спросил Петька.

— Нет. До настоящего художника ему далеко. Но на выставке его картины часто отмечают.

— И много он картин нарисовал?

Саша перечислил названий десять.

— А где же все эти картины? — спросил Петька, оглядывая стены кабинета, где висели лишь два портрета — Саши и его матери.

— Есть люди,— ответил Саша,— которые не умеют рисовать. А ведь им тоже хочется иметь у себя дома хорошие картины. У нас работает постоянная художественная выставка. Ее жюри и распределяет картины, поступающие на выставку, среди жителей города. Лучшие из картин идут для украшения общественных учреждений, а самые-самые лучшие передаются в музей. Я тоже учусь рисовать. Папа говорит, что у меня есть способности.

— Ты мне покажешь свои рисунки?

— Конечно, покажу. А вот это наша комната отдыха,— сказал Саша, раздвинув драпри из темнокоричневого бархата вместо двери.

Пол комнаты устилал мягкий ковер. Около окна стоял диван, а по обе его стороны — тумбочки-шкафчики. На одной из них находился большой телевизор, такой же, какой Петька видел в кабинете сашиного отца, на другой — похожий на радиоприемник, но без диапазонов, аппарат. В стены были вделаны шкафы. Сквозь стеклянные дверцы Петька увидел книги и какие-то коробки из пластмассы различных цветов.

— Что в этих коробках? — полюбопытствовал Петька.

— Книги,— ответил Саша.— Только это не обыкновенные бумажные книги. Их не читают, а слушают.

Саша подошел к шкафу, достал одну из коробок и вынул из нее широкую и низенькую пластмассовую катушку с намотанной коричневой лентой.

— Это Маяковский,— прочитал Саша на этикетке коробки.— Поэма «Во весь голос». Папа и мама очень любят ее слушать. А вот этот аппарат называется

магнитофоном, — сказал он, подходя к похожему на радиоприемник ящику.

Саша открыл крышку, Петька увидел несколько блестящих никелированных стерженьков. На одном из них была точно такая же катушка, какую держал в руках Саша, только без ленты.

Саша насадил катушку с лентой на один из стерженьков, повозился несколько секунд, прикрепляя конец ленты к пустой катушке, и включил магнитофон. Зеленым светом вспыхнул «магический глаз» — индикатор настройки. И словно сам поэт вошел в комнату и, обращаясь к своим потомкам, могучим голосом, отчеканивая слова, заговорил:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
Я шагну
через лирические томики,
Как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далеко...

— И он пришел... — прошептал Саша.

ЭКРАН В НЕБЕСАХ

Пока Саша делал уроки, Петька сидел у телевизора. Саша научил его ловить станции и настраивать видимость. Как это было интересно! Вот на экране появился молодой человек и, словно обращаясь к нему, Петьке, отчетливо объявил:

— Выступает ансамбль русской народной песни и пляски.

По комнате разнеслась веселая плясовая музыка, а на экране телевизора несколько парней в широких

шароварах, в длинных вышитых рубахах, перехваченных красными кушаками, и в начищенных до блеска сапожках начали выделывать такие коленца, что у Петьки дух захватило от восторга. Когда они кончили плясать и, раскланявшись невидимому зрителю, ушли с экрана, Петька громко захлопал в ладоши. Второй танец исполняли девушки. Мелко перебирая ногами, они звонко притопывали каблучками в такт музыке... А вот к девушкам подбежали парни, подбоченившись, прошли мимо них, взяли девушек за руки, и все вместе они закружились, завертелись в легком веселом танце.

Телевизор ловил все станции, какие брал обычный радиоприемник. Петька повернул искатель. Экран потемнел, и на нем только ярко заблестели какие-то маленькие точечки. Петька услышал увлекательный рассказ о звездах, о Млечном Пути, о планете Марс, на которую уже готовилась экспедиция с Земли... Это передавали зрительную лекцию из московского планетария.

Больше часа провел Петька у телевизора. Вслух смеялся он, смотря и слушая выступление духового оркестра, в котором на тромбоне играл очень толстый и румяный человек, смешно раздувая щеки.

Вошел Саша.

— Ну, уроки выучены. Теперь полетим смотреть кинокартину.

— Так ведь еще рано, — сказал Петька в ответ.

Саша рассмеялся и показал на циферблат часов. Было девять часов вечера. Петька не заметил даже, когда наступил вечер. И не заметил не только потому, что быстро пролетело время, а оттого, что не успело солнце скрыться за крышами домов, как улицы Майска снова озарились ярким дневным светом. Свет струился из окон, из-под карнизов зданий, из фар электромобилей — отовсюду, где только можно было приспособить электролампы дневного света.

С работы пришла сашина мама.

— Куда это вы собрались?

— В кино,— ответил Саша.

— На вертолете?

— Конечно.

— Смотрите осторожнее. Не разбейтесь.

В ответ Саша только вздохнул. А когда подошли к лифту, спросил у Петьки:

— У вас мамы тоже так говорят — не упади, не разбейся, будь осторожен?

— Да, тоже так.

— Мамы, видно, не меняются! — с огорчением произнес Саша.

Лифт вынес ребят на крышу дома. У Петьки чуть закружилась голова, когда он подошел к парапету и глянул вниз. Такой непривычной казалась высота. На плоской крыше в ряд стояли вертолеты открытого и закрытого типа. Ребята выбрали открытый вертолет. Они хотели было уже садиться, как Саша, вдруг нагнувшись, поднял какой-то предмет. Это была самая обыкновенная гайка. Саша принялся ее озабоченно разглядывать.

— Брось, на что она тебе! — нетерпеливо сказал Петька.

— Мне-то она не нужна,— ответил Саша.— Но эта гайка от шасси вертолета.— И полез под вертолет.

— Нет, не от нашего. Придется все вертолеты осмотреть,— огорченно сказал он, вынырнув оттуда.

— Вот еще выдумал — с гайкой возиться! — Кому надо, тот пусть и привинчивает.

— Эх, ты!..— впервые за время их знакомства по-настоящему рассердился Саша. — «Кому надо!..» Не нарочно же ее отвинтили! А если авария у кого случится? Хорошо будет?

— Сразу уж и авария...— смутился Петька.

Вертолетов на крыше было не меньше тридцати. На осмотр каждого из них уйдет минута. Значит, придется задержаться на целых полчаса. И Петька предложил Саше:

— Давай посмотрим кино, а потом прилетим, и я тебе тогда помогу гайку привинчивать.

Но Саша был неумолим, и на петькино предложение ответил:

— Я лучше в кино не полечу, а гайку привинтить надо сейчас же.

На петькино счастье, отсутствие гайки обнаружилось у третьего же вертолета. Открыв крышку ящика, где помещались инструменты для необходимого ремонта, Саша быстро привинтил гайку. Попробовав остальные — крепко ли сидят, он повернулся к Петьке.

— Ну, вот и все. Не больше пяти минут ушло. У нас уж так положено: заметил неполадки — если можешь, исправь сам, если нет — позвони в бюро ремонта.

Саша включил мотор. Над петькиной головой загудел пропеллер. Вертолет медленно поднялся вертикально вверх, на секунду будто застыл на месте и понесся над городом.

Внизу залитый сплошным белым светом простирался город. Как игрушечные, мчались по проспектам электромобили. Темноту неба прорезали огненные — красные, синие, зеленые, желтые — объявления. Они горели и на крышах зданий, и на специально устроенных башнях, и на аэростатах, неподвижно повисших в воздухе. Объявления эти призывали людей к культурному отдыху и развлечениям после рабочего дня. Медленно плыл над городом воздушный шар — афиша, возвещавшая соревнование боксеров. Особенно много разноцветных огней было на улице Искусств. Сверху Петька видел, как туда устремлялись потоки электромобилей и атомбусов.

Небо бороздили вертолеты. Здесь было оживленно, как на огромном проспекте. Иногда вертолеты сближались, и их водители громко разговаривали между собой. На некоторых из них были включены радиоприемники, а на многоместных вертолетах — даже телевизоры. Петька заметил, что вертолеты, как и электромобили внизу, двигались в определенных направлениях. Путь им указывали воздушные фонари. Выше их подниматься не разрешалось — там мчались ракетопланы, аэропоезда, электропланы...

— Опаздываем...— прибавив скорость, сказал Саша.

— Откуда ты знаешь?— спросил Петька.

— А вон, смотри...

В километре от города, прямо в небе, вспыхнул громаднейший киноэкран. Он был шестигранный, и потому с любого места можно было прекрасно видеть кинокартину. Ее могли одновременно смотреть не менее ста тысяч человек. Те же, кому не хотелось вылетать в воздушный «кинозал», смотрели кинофильмы у себя дома, сидя у телевизоров.

Опоздали ребята лишь на первую часть киножурнала. В трехстах метрах от экрана вертолет неподвижно повис в воздухе. Саша протянул Петьке наушники. Иначе из-за гудения пропеллера невозможно было хорошо слышать звук.

Петька надел наушники. В них слышался какой-то писк.

— Как слышимость?— спросил Саша.

— Пищит кто-то.

Саша покрутил регулятор звукоприемника. Голос в наушниках стал чистым, явственным, словно говорящий стоял рядом.

— Вот теперь хорошо!

«ОБЛОМОВ НАШИХ ДНЕЙ»

Промелькнул последний кадр киножурнала. На экране вспыхнула надпись: «Художественно-документальный фильм «Обломов наших дней». Выпуск Майской киностудии».

«Вот сейчас я узнаю, кто такой Обломов», — подумал Петька.

На экране — весеннее утро. Ожили улицы. Спешат на работу люди. Вот один из них садится за баранку атомбуса, другой включает рубильник автоматической линии на заводе, третий становится у смотрового окна электроплавильной печи. Какой-то старичок согнулся над цветочной клумбой. На маленьких электромобильчиках, весело перекликаясь друг с другом, едут в школу дети. Глубоко задумался над чистым еще листом бумаги писатель. Сделал первый в этот день мазок на полотне художник. Пробует свой голос певица. Народ трудится.

...Часы бьют одиннадцать. На экране возникает полупустая улица. Знакомый дворец из фосфорного стекла. Это Пушкинская. Табличка с надписью: «Улица имени Пушкина. Дом № 38».

— Интересно!..— Петька заерзал на сидении. Хотелось сказать Саше, что он живет в доме под этим же номером, но Саша отмахнулся — «не мешай, потом скажешь».

...Комната. На диване лежит человек. Он только что проснулся. Зевает, протирает глаза, потягивается...

Что-то знакомое чудится Петьке во всем облике этого человека. Его лицо как будто напоминает лицо отца. Отца?.. Нет! В глазах не хватает отцовской живости, веселого, задорного огонька. Отец был подвижен, а у этого движения медлительные, ленивые. Нет, это не отец...

И вдруг голос диктора резанул по ушам: «В одиннадцать часов дня, сладко позевывая, проснулся Петр Иванович Озорников...»

«Озорников...— лихорадочно заработала петькина мысль.— Петр Иванович... Постой, постой... Ведь это же... нет, не может быть... Да неужели это я? Ну, конечно! Всегда все говорили, что он, Петька, похож на отца... И даже шрам, маленький, едва заметный петькин шрам над левой бровью. Еще в детстве он упал с табуретки и стукнулся о край деревянного игрушечного кубика».

Сомнений быть не могло — Петька смотрел фильм о самом себе.

«А причем же здесь Обломов? Впрочем о нем, наверно, дальше...» — Петька вперил глаза в экран, внимательно следя за каждым движением самого себя в будущем.

...Одевшись, Петр Иванович Озорников с обрюзгшим от непробудного сна лицом вышел из квартиры, повесил на дверь старый, заржавевший уже замок (при этом в небесах раздался хохот нескольких тысяч зрителей) и вошел в лифт. Нажал не ту кнопку, какую следовало... Вместо того, чтобы опуститься вниз, лифт вынес Петра Ивановича на... крышу...

В небе хохотали. Не смеялся только один-единственный зритель — Петька.

...Наконец Петр Иванович все же попал в столовую. Столику-официанту пришлось обслуживать единственного посетителя. Ел он медленно, уныло, без аппетита, словно исполнял тяжелую, неприятную обязанность. Поев, поднялся и, тяжело дыша, вышел на улицу. Долго всматривался в несущиеся мимо электромобили. Поднял руку. Одна из машин остановилась. Из нее выглянул подросток лет пятнадцати.

— Что вам, дядя?

— Подвези-ка меня в парк культуры.

Паренек удивленно взглянул на него и пожал плечами:

— Что ж, садитесь.

Машина тронулась.

— Простите,— обернулся подросток,— вы разве не умеете управлять электромобилем?

— Нет.

— Так научитесь. Это же совсем просто.

— Не привык.

— К чему?

— К учебе. Да и зачем? Сегодня ты подвез, завтра другой... А то и в этом, как его... атомбусе проехать можно.

— Можно, конечно... А вы, простите, где работаете?— не унимался парнишка.

— Нигде. Зачем работать!

Машина вдруг остановилась.

— В чем дело? — спросил Петр Иванович.

— Аккумулятор разрядился,— ответил водитель,— придется вылезать вам.

Но не успел Озорников отойти и двух шагов, как электромобиль тронулся, и паренек, полуобернувшись, крикнул ему:

— Вам пешочком-то полезнее! Хорошо, что вы хотя бы ходить умеете!..

* * * * *

— Саша, послушай, Саша!.. — Петька толкнул

своего друга, который весело смеялся и был очень увлечен фильмом.

Наконец он обернулся и испугался: лицо у Петьки было бледное и расстроенное.

— Что с тобой, Петя?— спросил он.

— Поедем, я не могу больше смотреть,— прошептал тот.

Саша подумал, что у Петьки от непривычки смотреть кинофильм в небесах закружилась голова.

— Ну что ж, полетим. Дома отдохнешь, и все пройдет. Ты ведь у меня ночевать будешь,— сказал Саша, включая мотор вертолета.

— Нет, нет, не к тебе...— возразил Петька.— Сверни на Пушкинскую. Там, напротив хрустального дворца, кабина...

— Зачем она тебе? Ее никто и пальцем не тронет.

— Прошу тебя, Саша!

Голос Петьки звучал так жалобно, что Саша, больше ни о чем не расспрашивая, повернул машину в сторону улицы Пушкина. Вскоре вертолет опустился на крышу дома, который указал Петька. Спустя минуту лифт доставил ребят в вестибюль первого этажа.

— Смотри, Петя,— вдруг воскликнул Саша, показывая на человека, спокойно похрапывавшего в мягком кожаном кресле.— Как похож на Озорникова, которого в кино показывали! Не знает, наверное, как ему на лифте до квартиры добраться. Ждет, чтобы кто-нибудь подвез. Правда?

Но Петька, вместо ответа, с ужасом шарахнулся в сторону и выбежал на улицу. Саша догнал его, когда тот садился уже в «кабину будущего».

— Уезжаешь? — удивился Саша.

— Да, уезжаю, Саша. Ведь я — Петька Озорников. Да, да, Петр Иванович Озорников — это я. Но нет, я не хочу быть таким. Я буду учиться. Хорошим человеком стану. До свидания, Саша!

Саша все понял и крепко пожал петькину руку.

— Счастливого пути, Петя!.. Желаю тебе удачи!..

СНОВА ДОМА

Петька открыл дверцу кабины и вышел из нее. Но что это? Комната Федора Степановича, где он вновь очутился, была пуста. Посредине стоял лишь по-прежнему стол, и на нем белела какая-то бумажка.

Петька испуганно огляделся. Да, это была комната Федора Степановича. Вот здесь стоял диван, тут письменный стол, шкаф, этажерка. Петька посмотрел на «кабину будущего». Она находилась в углу комнаты, на своем старом месте. Растерянный Петька подошел к столу, взял бумажку. Записка была адресована ему. Петька прочитал:

«Петя! Мне пришлось срочно выехать на работу в другой город. Очень прошу тебя вот о чем: с задней стороны у «Модели Б-14» есть бронзовая рукоятка. Поверни ее три раза в правую сторону. Вот и все.

Надеюсь, мы с тобою еще встретимся, и ты расскажешь мне о том, что видел.

Жму руку. Ф. С. Борисов.»

Ах, как хотелось Петьке увидеть Федора Степановича, чтобы от всей души поблагодарить его за удивительное изобретение! Но Федор Степанович уехал. Осталось лишь выполнить его просьбу.

Петька подошел к «кабине будущего», увидел рукоятку, повернул ее три раза в правую сторону и оцепенел: «кабина будущего» исчезла. Он обернулся к столу, где лежала оставленная Федором Степановичем записка. Но в этот момент в распахнутое окно комнаты ворвался сильный порыв ветра. Он подхватил записку, покружил и унес с собой. Петька видел, как листок бумаги долго белел над зеленью деревьев, пролетел через улицу, с минуту

плавно покачался из стороны в сторону и, подхваченный новой струей ветра, скрылся из виду.

Таким неожиданным образом и закончилось бы необычайное путешествие Петьки Озорникова — ученика четвертого класса восемнадцатой школы, но... все дело в том, что ни Петька, ни какой-либо другой мальчик никогда не совершал такого путешествия.

«Кабина будущего», подобно «машине времени» английского писателя Герберта Уэллса,— это всего лишь выдумка, фантазия автора, который, впрочем, сожалеет о том, что такой кабины не существует и существовать не может. Разве не полезно было бы мальчикам, вроде Петьки Озорникова и его товарищей-«мушкетеров», прокатиться в будущее? Как вы думаете, ребята?

Мы живем в замечательной стране и в замечательное время. В нашем небе летают со скоростью звука реактивные самолеты. У нас построена первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии. Наши полярники осваивают ледяные просторы Северного полюса. Но многое еще не сделано и предстоит сделать вам, ребята. И те из вас, кто упорным трудом проложит себе путь к науке, к знаниям, поведут в далекие рейсы аэропоезда и ракетопланы, станут строителями ядерных энергостанций, будут за несколько месяцев выращивать густые леса... и, кто знает, что еще свершите вы, дорогие ребята, в будущем, которое будет прекрасно!

Цена 2 руб. 40 коп.